

18+

Виктор Акатов

ПЕПЕЛ ЧЕРНОБЫЛЯ

Дневник ликвидатора

Виктор Акатов

**Пепел Чернобыля.
Дневник ликвидатора.
Роман в четырех частях**

«Издательские решения»

Акатов В.

Пепел Чернобыля. Дневник ликвидатора. Роман в четырех частях /
В. Акатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535903-2

Являясь активным участником событий, автор в увлекательной форме рассказал о жертвах Чернобыльской трагедии, героизме ликвидаторов, раскрыл причины и последствия произошедшего, показал роль исторических фигур. Роман призывает сохранить горькую чернобыльскую быль в памяти людской как жестокий урок для нынешних и будущих поколений. Взгляд автора, энергетика, ученого, писателя, честен и объективен, что подкрепляется знанием истории энергетики и страны, широкой осведомленностью и исследованиями.

ISBN 978-5-00-535903-2

© Акатов В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I. След горькой полыни	7
Глава 1.	8
Глава 2.	20
Глава 3.	28
Глава 4.	42
Глава 5.	45
Глава 6.	55
Часть II.	57
Глава 7.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Пепел Чернобыля. Дневник ликвидатора Роман в четырех частях

Виктор Акатов

Памяти:

*Валерия Алексеевича
Легасова,*

*Виктора Петровича
Овчарова,*

*всех погибших и умерших
Спасателей Чернобыля*

*Редактор Л. И. Потемкина
Корректор Н. И. Панина
Иллюстратор П. В. Романец
Дизайнер обложки П. В. Романец*

© Виктор Акатов, 2021
© П. В. Романец, иллюстрации, 2021
© П. В. Романец, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-5903-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

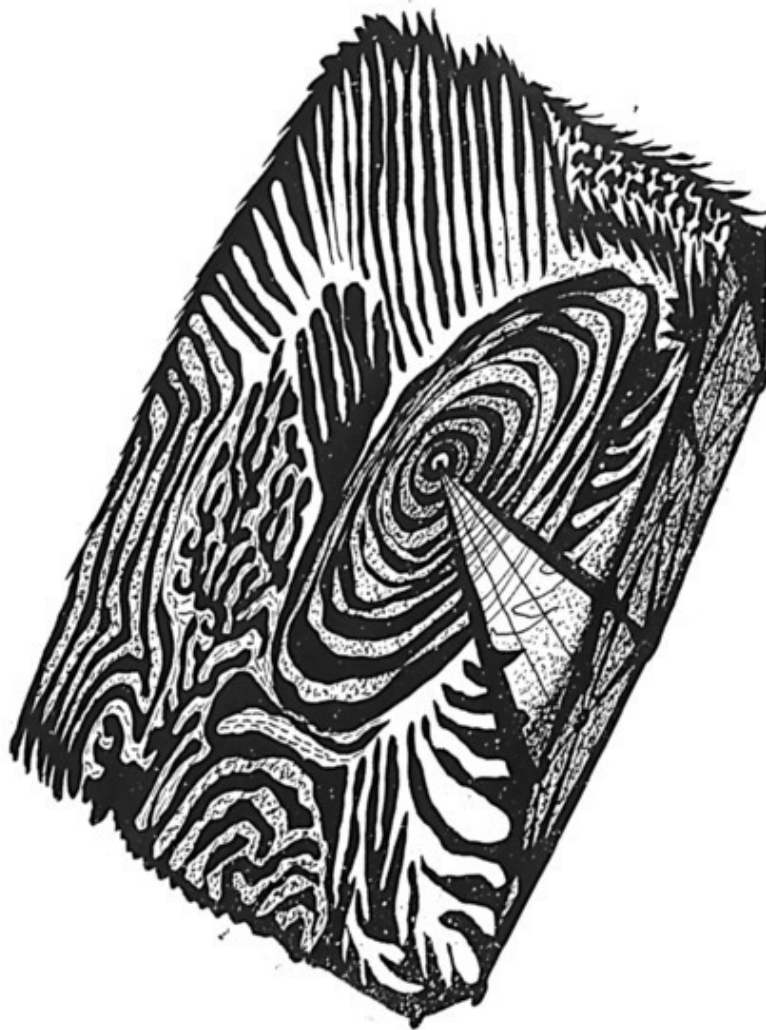
Однажды мне передали дневник ликвидатора Петра Русенко, с которым одно время мы были близко знакомы.

Дневник показался мне интересным и весьма полезным. Поэтому публикацию его я посчитал необходимой. Всё оставил, как было, лишь разделил рукопись на четыре ярко выраженные части, добавил примечания.

Приятного чтения.

***Виктор Акатов,
писатель***

Часть I. След горькой полыни

С.В.

Памяти первой жертвы, Валерия Ивановича Ходымчука, оставшегося навсегда в чреве Чернобыльского реактора.

Глава 1. ВСПЛЕСК

18 августа 2005 года

Начинаю вести дневник. Вернее, записывать то, что хочется или то, что просто необходимо запомнить. Идея дневника пришла мне после недавнего события. Что-то сильно зацепило меня. Видимо, важное, но что, пока я не понял. Потому и записываю, чтобы не забыть попозже разобраться.

Тот день потряс меня не тем, что случилось ранним утром в поезде, а тем, что произошло после. Я много ездил в поездах, много разного видел, однако такое – впервые.

Но обо всем по порядку.

Пробуждение

Сев на московский поезд всего два часа до того, только начал засыпать, как поезд резко затормозил. Натужно, громко, со скрежетом металла, не желавшего подчиниться воле машиниста. Такое торможение может и мертвого разбудить. Сверху сыпались вещи. Люди соскакивали с полок. Слышались крики, шум, охи, ахи.

Ничего не понимая, я тоже вскочил. По привычке бросил взгляд на часы – 6 часов 14 минут. С грохотом накатывающихся друг на друга вагонов, состав, наконец, обмяк и остановился. Все прильнули к окнам плацкартного вагона. Рассвело. Не видно ни станции, ни полустанка, ни переезда.

Раздавались возмущенные возгласы:

– Почему остановились?

– Что произошло?

– Что это было?

– Чуть не убились!..

Мужчина, сидевший за боковым столиком, своим видом похожий на бывшего начальника средней руки, важно сказал:

– На перегоне что-то случилось.

– Может, кого задавили? – встревоженно спросила старушка, сидевшая напротив «начальника» и глядевшая на него.

– Этого не может быть, – безапелляционно сказал «начальник». – Увидев человека или машину на путях, машинист обязательно бы сигналил. А тут, поезд вон как тормозил, а никаких сигналов не подавал.

– Может, кто мину подложил, рельсы взорвал? Вона сколько раз уже показывали по телевизору, всё везде взрывают, страшно на улицу выйти.

– А ты и не выходи, бабуля, если ветра боишься, – усмехнулся суровый «начальник».

– Какого ветра?

– Ветра, который слухи разносит. Где взрывают? На юге. А где мы? В средней полосе. У нас здесь тихо.

– А если ещё вчера взорвали?

– Ну, ты, бабушка, даёшь! Тут поезда каждые двадцать минут следуют один за другим, то товарняк, то пассажирский, то электричка. Нет, взрыв бы слышали.

– А может пути разобрали, мину маленькую, негромкую подложили, чтоб только поезд под откос пустить, как в войну.

– Ты что, партизанила?

– Сама нет, мала была, с мамой жила в партизанском отряде в болотах под Гомелем. Батянька рассказывал.

– Тогда понятно, откуда страх у тебя. Врожденный. Сиди спокойно. Не было взрыва.

– Чего же поезд стал-то? – выспрашивала старушка.

– Чего-чего, – передразнил старушку «начальник» и отрезал, – Что-то другое... – потом, немного подумав, добавил. – Так значит надо.

– Чё надо? А если бы люди попадали с полка? – напала старушка на «начальника», как будто он был виноват в остановке поезда и возникшем из-за этого переполохе. – Поубивались бы мы тут. Чё? Так надо?

– Машинисту виднее, – назидательно сказал «начальник». – Наше дело – сиди и жди. Когда надо, поедем.

С верхней полки спрыгнул парень в спортивном костюме и возмущенно заговорил:

– Не, мужик, так тормозить нельзя! Что, дрова везут?

– Вообще, обнаглели все. Что хотят, то и творят! – резюмировала сидевшая у окна напротив меня полногрудая круглолицая тетка, уминая за обе щеки яблоко. – Там наверху сидят, порядок навести не могут.

– Так кто там сидит? Раньше бы они в других местах сидели! – охотно подхватил тему «начальник». – В советское время такого не было. И быть не могло. Я чуть головой об угол не ударился. Прямо об железку.

– Это что! Я вот чуть с полки не слетел! – продолжал возмущаться «спортивный костюм». – Правильно, бабуся, говоришь, убился бы. Или инвалидом стал. А кто отвечать будет? Виновных-то и не найдут.

– Так никому нет дела. Что творится, что творится! – заохала тетка. – Во, времена!

– Раньше на железке, говорят, порядок был железный, – сказал «спортивный костюм», выставив вперед перед собой увесистый кулак.

– Чего же не быть железному порядку, когда его Железный Феликс и Железный Лазарь наводили с помощью ЧК, ГПУ, НКВД,¹ – сказал худой, совершенно лысый, болезненного вида мужчина, сидевший рядом с теткой. – Да так наводили порядок, что ещё сорок лет не только железка, а вся страна дрожала в страхе от их приспешников.

– Зато поездам часы сверяли! Ходили минута в минуту, – гордо сказал «начальник», – А без страха нельзя. Вот машинист, видать, светофор проспал. Переполоху натворил. А что ему за это достанется? Небось, и премии не лишат. А посадили бы парочку таких для остратки, другим бы неповадно было.

Бабуся, сидевшая как на углях, и всё время пытавшаяся вставить своё словечко, тут же наскочила:

– И никаких авариев не было, никаких катастроф! Нельзя телевизор включить! То тут что-то случилось, то там. Ужас!

– Во-во! И убийств не было. И бандитов. И этих..., как их... мафии тоже не было, – сердито добавила тетка.

– Конечно, ничего не было! Ну как же! – саркастически воскликнул «лысый». – До перестройки у нас тишь да благодать была! А пароход «Суворов» на Волге в мост врезался и затонул. Между прочим, с людьми! А два корабля столкнулись на рейде на Черном море, один из них пассажирский. Сколько людей погибло? А скорый поезд под Уфой, как газовый факел, сгорел дотла. С людьми! Более пятисот человек заживо сгорели.

«Ну, вот все и проснулись, – подумал я. – Ох, эти разговоры в поездах! Наездился, знаю. Обычно распалются, навысказываются, а потом дуются друг на друга или подерутся. Однако,

¹ Железный Феликс – председатель Чрезвычайной комиссии Феликс Эдмундович Дзержинский; Железный Лазарь – народный комиссар путей сообщения Лазарь Моисеевич Каганович (здесь и далее примечания даны Виктором Акатовым).

„лысый“ во многом был прав, но у меня он почему-то не вызвал симпатии. Правда „начальник“ во сто крат более неприятен. Будут они теперь спорить до посинения, да на горло брать... А ведь ничего и не докажут друг другу. Так со своими идеями и останутся».

Однако, в этот раз всё развивалось не по привычному сценарию, не как обычно.

Состав стоял, как вкопанный. Не было слышно никакого движения. Но мои попутчики уже забыли о внезапной остановке поезда и внимательно смотрели на «лысого». А он, попеременно вглядываясь в глаза каждому из собеседников, всё допытывался:

– А как в тридцатые годы пересажали четверть страны, забыли? Сколько расстреляли! Да без суда и следствия. А ещё раньше лучших крестьян обозвали кулаками и семьи их рассеяли по стране. Большинство погибло. Или этого не было? А дело врачей после войны, космополитов, генетиков. Скольких сослали в лагеря! Мало кто оттуда вернулся. Это что, порядок?

– Ну, ты и закрутил! Мы же не о том, – примирительно проворчал «начальник».

– Как не о том? Вы же только что говорили, «порядок был, тишь да благодать». А какой ценой? Вот в Новочеркасске мирную демонстрацию расстреляли, что, не слышали? А как подавили мятеж в Грозном в 56-ом, бунты в шестидесятых – в Кривом Роге, Павлограде, в других городах, в семидесятые – в Ташкенте, Чимкенте, Баку, в 86-ом – в Алма-Ате, Карабахе, Тбилиси, Риге? А мятеж, который на боевом крейсере поднял политработник Саблин, отстранил командира и пытался увести корабль в Финляндию. А один пилот истребитель последней разработки угнал в Японию, а та передала самолет нашим врагам, американцам...

– Так это те, кто порядка не хотел, – назидательно возразил «начальник». – Кто считал, порядок нужен, тот не бунтил.

– А наши танки в Будапеште в 1956, Чехословакии в 1968 году? Сколько людей полегло там, а сколько ребят сгнуло в Афгане? Может, вспомним, сколько судеб и надежд погубила так называемая Всесоюзная стройка БАМ, по которой один поезд в сутки ходит, добровольцы-комсомольцы до сих пор маются без работы и жилья.

– И это не то! – резко сказал «начальник».

– А то, что людей кидали правители, куда хотели? Это порядок? Небольшая горстка порядочных людей в 68-ом году вежливый голосок свой подняла, мол, так же нельзя, товарищи, танками на дружественную Чехословакию. А по их судьбам, как тракторами проехали, тюрьмами, психушками, будто они угрожали жизни этих правителей. А как душили экономическую инициативу?² Тюрьмой, где обрывались лучшие жизни, которых так не хватает сейчас.

– Они-то как раз и нарушали порядок! – побагровев, набылчился «начальник». – Ещё больше надо было сажать, не было бы сегодняшнего бардака!

– Да и так сколько пересажали, выселяли целыми народами, отправляли на поселение без права возвращения. Куда уж больше? При царе это называлось – каторга и ссылка.

– Зато порядок был, – всё равно бубнил «начальник».

– А народ-то не согласился с таким порядком! А что и аварий не было? – не унимался «лысый». – Да сколько угодно! Только замалчивали, как и всё то, о чем я только что говорил. Сколько плотин обрушалось, оползни, сели. Скрывали. Постоянно занижали погибших в результате землетрясений в Ашхабаде, Ташкенте, Спитаке. Только после распада СССР это стало известно. А пожары, помните, сгорела самая крупная гостиница «Россия» в Москве, а обрушения жилых домов, цехов предприятий, крушения поездов, затонувшие подводные лодки, падения эскалаторов в московском метро³? Или эпидемии чумы в Казахстане в 66-ом не было, а в семидесятые – эпидемии холеры, гепатита, туберкулеза. А погибший от смерча пионерлагерь под Костромой. А взрывы сотен ядерных зарядов «в мирных целях» не только

² Уголовно преследуемая хозяйственная инициатива передовых руководителей; многие после 1985 реабилитированы.

³ В феврале 1976 г. в Москве сгорела гостиница «Россия! В метро 8.01.1977 г. произошло сразу три теракта, которых в СССР не было до этого почти 50 лет. За 1977—96 гг. в московском метро в девяти случаях погибло 19 и ранено 87 чел.

в пустыне или в какой-нибудь тундре, но и в сердце страны, например, в Ивановской области⁴ всего в каких-то трехстах километрах от Москвы.

А сколько жизней унесла радиация на «Маяке» и реке Теча в Челябинской области, на Украине в Желтых водах, при взрывах ядерной бомбы у Тоцких лагерей⁵, на ядерных полигонах Новой Земли, под Семипалатинском...

«Начальник» вздрогнул, сурово посмотрел на «лысого» и строго спросил:

– Что ты знаешь о Семипалатинске? Я там был. Что ты знать можешь? Э-эх! – потом махнул рукой, уставился в окно, показывая этим, что больше говорить не хочет и считает дальнейший разговор бесполезным.

Остальные попутчики смотрели на «лысого» как будто в гипнотическом состоянии. От него действительно исходили какие-то флюиды и люди слушали этот неожиданный монолог, затаив дыхание. Эмоциональный всплеск «лысого» был такой силы и такой ненависти к тем, кто пытается забыть прошлое, что и в соседних отсеках вагона пассажиры как-то затихли. Многие придвинулись поближе к нам.

Все даже не заметили, как поезд тронулся. Мягко, осторожно он покатился, постепенно набирая ход. Тут же проплыл семафор, на котором горел зеленый свет.

Кошмарный порядок

– А Чернобыль! Чернобыль! – вдруг возопил «лысый».

Я вскинул глаза на него. Действительно, что может знать этот тщедушный желчный человек о Чернобыле? Что? Чернобыль – это моя боль и мучение на всю оставшуюся жизнь. Что может знать, этот начитавшийся умник!?!..

– Знаете, сколько там пожгли людей!? – орал «лысый».

– Как пожгли? – удивленно спросила тетка.

– Постой, пожарники же не сгорели... – недоверчиво сказал «спортивный костюм», – Они ведь тушили...

– Да, тушили! Только после аварии все умерли. Нахватали по 400 рентген⁶ и больше. Доза «несовместимая с жизнью», как говорят медики, – с горечью произнес «лысый».

Я отрицательно покачал головой и негромко сказал:

– Вы не совсем правы. Из пожарных сразу умерло шесть человек, потом ещё несколько в течение года. Остальные выжили. Правда, на сегодня, из тех, кто тушил реактор, а не машинный зал, по-моему, уже никого нет в живых. Недавно умер бывший командир припятской военизированной пожарной части Толоконников, Герой Советского Союза.

– Да, какая разница! – распалившись, не мог остановиться «лысый». – Всё равно умерли, могли бы остаться жить. Этот их командир, да, герой, его потом в Англию послали на лечение, так он был тогда в отпуске. На ночь уехал порыбачить на Припять. Сидел у костра с друзьями, а тут грохот, словно удар грома. В ту ночь была полная облачность. Глянул в сторону АЭС – а там зарево. Как был в портках, так и побежал на станцию. Возглавил тушение. А что было тушить? Вода из шлангов до реактора и не долетала – испарялась в воздухе. Там в реакторе температура была больше четырех тысяч градусов! И фон в несколько тысяч рентген! Зачем ребят гнали тушить реактор? А?

– Не знаю. А зачем? – спросил «спортивный костюм».

– Начальники должны были знать, что это бесполезно! Ребят только пожгли, а пользы никакой! Вот те, кто отстаивал машинный зал, где были турбины, баллоны, емкости, баки,

⁴ В Кинешемском р-не Ивановской области в 1974 г. Всего в СССР произведено около 100 подземных ядерных взрывов в мирных целях.

⁵ В Оренбургской обл. В 1954 г. впервые в СССР проводились военные учения с реальным взрывом боевой атомной бомбы.

⁶ Рентген – единица дозы рентгеновского и гамма-излучений. Названа в честь немецкого физика В. К. Рентгена.

горючие вещества, – вот те действительно, сделали важное дело – отстояли машзал. Многие из них до сей поры живут. – И чуть подумав, с видом человека, исполнившего свой долг, а мне показалось, что просто выдохнувшись, «лысый» уже более спокойно добавил. – А ведь пожар мог перекинуться и на третий блок. Вот, тогда было бы два Чернобыля.

Я внимательно смотрел на «лысого». Возможно, моё отношение к нему было неверным, потому что в последних словах я почувствовал – он знал, что говорил. Наши взгляды встретились. На меня смотрели ясные, чистые, совестливые, подернутые пеленой глубокой грусти глаза неравнодушного человека. Мне показалось, эти глаза видели большую беду, близкое горе, страдали и всё ещё продолжают страдать. Несомненно, «лысый» был в Чернобыле. Его задела огульность, черствость, безразличие наших попутчиков. Наверное, оттого так и распалился.

«Лысый» тоже смотрел на меня, как будто что-то изучал во мне. И вдруг, облизывая пересохшие губы, хрипло спросил:

– Ты тоже там был? В пожарниках?

– Все там были пожарниками – тушили три источника и три составляющие части советской системы: самонадеянность партийной власти, изворотливость трусоватого чиновничества и извечное «авось» подневольных производственников.

– Во, сказал! – восхитился «лысый», обводя всех взглядом – Во, сказал, так сказал!

– Нет, не я это сказал. Один очень умный человек так сказал незадолго до своей смерти.

– А кто это?

– Академик Легасов⁷. И я с ним согласен.

– Ты его знал?

– Довелось работать с ним.

– Когда был там?

– В 86-ом, с мая по февраль следующего.

– Ого! Получается почти год.

– Если считать без перерывов, то полных 8 месяцев.

– А где работал? Что делал?

Но я не успел ответить, потому что в наш только что начавшийся разговор вклинился «спортивный костюм»:

– Стоп, стоп, стоп, дядя! Не уходи от разговора! Сам начал. Вот ты сказал, людей пожгли. Так? Т-а-ак. Но они же не сгорели в пожаре, просто облучились. Неча тут тюльку пороть!

И с видом человека, схватившего вора за руку, «спортивный костюм» победоносно окинул взглядом окружающих.

– Это тебя надо пороть, – охладил его «лысый», – пожгли, значит, получили дозу радиации больше установленной нормы. Переоблучили, то есть – пожгли радиацией. Таких людей тьма.

– Сто-о-оп! Опять на темноту берешь? – оскалился «спортивный костюм». – Какая тьма? Сколько пожарников могло там быть? Сто, ну, двести от силы. А ты говоришь, тьма.

– Какие пожарники! Да там вся страна перебивалась! – вспыхнул «лысый», – За первые четыре года через Чернобыль прошло более миллиона человек. Это что не тьма?

– А какая норма облучения? – поинтересовался подросток из соседнего отсека.

– Это, как считать, – сказал «лысый». – При работе на ядерном объекте в мирное время – четыре бэра в год. Бэр⁸ – это биологический эквивалент рентгена, почти равен одному рентгену. Поэтому больше пользовались рентгеном. В Чернобыле была установлена норма

⁷ Валерий Алексеевич Легасов (1936—1988), академик, доктор химических наук, профессор. Был членом правительственной комиссии по расследованию причин и по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Посмертно удостоен звания Героя России.

⁸ Бэр – устаревшая единица измерения дозы излучения; то же, что и *зиверт*, но в сто раз больше.

в 25 рентген, в шесть раз больше нормы мирного времени для работников атомных электростанций. Но очень многие эту норму перебрали.

– А разве не считают радиацию в кюри⁹ и в этих ещё, ну, как их... ага, в радианах? – опять интересовался малец.

– Не в радианах, ими измеряют углы, а в радах¹⁰. Сейчас применяют ещё грэй¹¹, беккерели¹² и зиверты¹³. Если учесть, что эти величины бывают микро, милли, кило, мега, можно в них запутаться! В рентгенах проще. Тем более все эти показатели являются его производными.

– А зачем так много показателей?

– Ну, как тебе сказать. Вот ответ из народного чернобыльского «черного» юмора:

*Все начальники и члены
измеряли луч в рентгенах.
Но потом все дозы в бэр
перевел какой-то х..., простите, ... сэр,
чем навел большую смуту.
Чтоб народ совсем запутать,
он ещё придумал выверт —
перевел всё в грэй и зиверт.
А хоть даже в хвост и в гриву —
нам ведь только быть бы живу.*

Ну, теперь понятно?

– Да чего уж тут не понять.

Допрос с пристрастием

– Ладно, пацан, помолчи, не мешай – взрослые говорят. Уважай! – и обращаясь к «лысому», «спортивный костюм» потребовал. – А ты, мужик, не отвлекайся!

– Да-да, не отвлекайся! Не юли! – не сумев сдержать в себе раздражение, опять включился в разговор «начальник». – А то, такого напел! Будто вся страна в Чернобыле была.

– Вот именно, почти вся была. И сейчас есть. И долго ещё грязь чернобыльскую будет есть.

– Как это?

– Сейчас скажу, только не перебивайте. В среднем по статистике семья составляет три-четыре человека. Возьмем три. Надо добавить родителей обоих супругов и их дедушек и бабушек. У половины вышеперечисленных есть хотя бы по одному брату или сестре со своей семьей из трех человек, а у всех них вместе взятых как минимум по одному другу или подруге со своей семьей из трех человек. Получается не менее 70 человек. Наша статистика и социология не признают такое понятие, как «круг семьи». А зря. Ведь семейный круг это родственники и самые близкие люди, которые поддерживают отношения между собой и переживают друг

⁹ Кюри – единица количественной оценки активности радиоактивного вещества. Названа в честь французских ученых Пьера Кюри и Марии Склодовской-Кюри. Один $Ku = 3,7$ беккерелей.

¹⁰ Рад – единица поглощенной дозы излучения. Один $Rad = 100$ эрг/г.

¹¹ Грэй – единица поглощенной дозы излучения, названа в честь английского ученого Л. Грэя. Один $Gr = 100$ Rad .

¹² Беккерель – единица активности радиоактивных изотопов. Названа по имени французского физика А. А. Беккереля. Один $Bk = 1$ распаду в сек.

¹³ Зиверт – единица дозы радиационного заражения поверхности, территории. Названа в честь шведского ученого Г. Р. Зиверта. Один $Zv = 102$ Бэра.

за друга. На Востоке семейный круг считается не менее 300 человек. А теперь давайте сделаем следующий подсчет. Всего Чернобыль за первые четыре года облучил более 4 млн. человек...

– Не может быть! Враньё! – резко перебил «начальник».

– Может. Не то ещё может быть. Да сам посчитай. В Чернобыле работало не менее ста различных организаций, строители, монтажники, эксплуатация, ремонтники разного профиля, торговля, питание, милиция, различные оперативные группы практически всех министерств Союза, РСФСР, Украины, Белоруссии, всех отраслей промышленности, наука, транспорт, связь, снабжение, авиация, медицина и так далее. В среднем по тридцать – пятьдесят человек в каждой, хотя были и более тысячи. Менялись каждые две-три недели. Конечно, некоторые и больше работали в зоне, но это в основном руководители. Таких, мало было. Да вот перед вами такой, – «лысый» указал на меня пальцем и выдал только что полученную от меня информацию. – Вот он был там почти год.

Все удивленно посмотрели на меня. Я смущенно улыбнулся. Надо было что-то сказать, но «лысый» продолжал:

– За четыре года сто смен. Вот уже 400 тысяч человек. Плюс химические войска, части гражданской обороны, инженерные части, летный состав, стройбат, тыловые части, связь, даже пограничники были, а с учетом сменяемости каждые два-три месяца – ещё более 600 тысяч человек. В городе Припять проживало около 50 тысяч человек и в остальной тридцатикилометровой зоне столько же. Сложи всё и получишь миллион.

– Не спеши! Куда летишь? – остановил лысого спортивный костюм. – Не успеваю за тобой считать.

– Один миллион сто тысяч, – отчетливо произнес подросток. – На сто тысяч больше миллиона.

– Я же сказал – миллион! – уверенно сказал «лысый». – А сколько жителей облучилось за пределами чернобыльской тридцатикилометровой зоны? Если прибавить население, облученное радиационными осадками во всех областях Белоруссии, Северной Украины, в Брянской, Курской, Тульской, Орловской и других областях России¹⁴, то как раз и получится четыре миллиона. А теперь главное. В то время в СССР было 280 миллионов жителей. Ну-ка, хлопец, раздели на семьдесят.

– Это просто. Четыре миллиона.

– Четыре миллиона семей! И четыре миллиона облученных. Это значит, что в среднем чернобыльская беда затронула каждый семейный круг. А на Украине, в Белоруссии, да в загрязненных областях России многие были облучены целыми семьями. Так разве не коснулся Чернобыль всей страны?

– Нет, не всех, – сказал «начальник». – В нашей семье никого не коснулся. Живем мы далеко, в Нижегородской области, у нас всё чисто – Чернобылю не достать!

– Ох, как достать! – сказал «лысый» и, взглянув на меня, спросил. – Звать-то тебя как?

– Петр.

– Меня – Николай. Значит, и познакомились. Вот, Петр подтвердит. В Хиросиме¹⁵ число умерших за все прошедшие годы превысило количество облученных во время взрыва в два раза. И уже пятое поколение продолжает страдать от той бомбардировки. И сколько ещё поколений будут нести в себе смертоносные гены? Никто не знает.

– Ну и что? – невозмутимо спросил «начальник».

¹⁴ По данным на 1994 г. только в России около 8 тыс. населенных пунктов подверглись радиационному загрязнению вследствие аварии на ЧАЭС с населением 2,7 млн. чел. Было заражено 59,3 тыс. кв. км территории.

¹⁵ 6.08.1945 г. в 8 утра на седьмой по величине японский город Хиросиму, а через три дня на город Нагасаки, были сброшены боевые атомные бомбы мощностью по 20 тыс. тонн в тротиловом эквиваленте каждая. Погибло и облучилось сразу, а также заболело лучевой болезнью впоследствии, в т.ч. в последующих поколениях – более 600 тыс. человек.

– А вот что! Вся ли твоя семья живет рядом с тобой? Небось есть братья, сестры, дети, племянники, друзья, их родственники, живущие в других местах? Покопайся в головушке своей и найдешь, кто из них живет ближе к Чернобылю, чем ты, а может, кто из них и побывал в Чернобыле. Что, они тебе безразличны? Вряд ли. А дашь ли ты гарантию, что члены твоей семьи, дети, внуки, их дети не женятся на детях, внуках, правнуках облученных Чернобылем людей или их потомков? Не дашь? То-то! Вот и отравят они твой такой чистенький исконно нижегородский род. – Тяжело вздохнув, «лысый» добавил. – Нет, всех достанет Чернобыль. Всех! Это кара нам за то, что от Бога отступились. За то, что возгордились, решив жизнь строить по-своему, не по-божески. Теперь долго молиться надо, отмываться и каяться. Всем, всем, всем...

Николай опустил голову и что-то продолжал бормотать себе под нос. Он стал похож на выжатый лимон, выбросивший из себя всю свою кислоту наружу, и после этого обмякший от безнадежности своего дальнейшего существования. Как после изнурительного допроса с пристрастием.

Каким колким был только что этот человек, и каким теперь стал. Просто никаким. Глядя на «лысого», я подумал тогда: «А ведь он прав. Ох, как прав!».

Мрачные подсчеты

Старушка участливо спросила «лысого»:

– Что ж ты так разволновался, милый? Стоит ли так серчать? Всего-то добрым словом помянули старое время, а ты так разошелся. Пошто злой такой?

– Да не злой я, бабуля! Просто живем мы не так. Быстро забываем, что было с нами, со страной. Вы же не молодежь, сами, небось, не на Луне жили, а забываете. Но многого и не знаете. Так как всё скрывалось. И про Чернобыль. Сколько душ пропало!..

– А где этот Чернобыль?

– Ты что, бабушка, про Чернобыль ничего не слыхала?

– Слышать-то слышала, а где он находится, подскажи.

– На севере Украины, в Киевской области, недалеко от того места, где река Припять впадает в Днепр.

– А от Гомеля далеко? У нас там тоже река Припять.

– Недалеко, около сотни километров. Чернобыль накрыл всю Гомельщину. К чему тебе Гомель? Родственники там?

– Не знаю. Может, кто и остался. Мы там жили до войны. Немцы село спалили. Жить было негде, подались на Урал. А сильный этот твой Чернобыль?

– Вот, бабуля, сравни. О Хиросиме слыхала?

– Как не слыхать.

– Так вот, бомба в Хиросиме была первая, самая слабая, взорвалась на высоте 600 метров, к тому же сильный ветер в тот роковой для японцев день сравнительно быстро снес радиоактивное облако в океан. Хотя всё было уничтожено в радиусе четырех километров, но заражение почвы произошло только в радиусе не больше десяти... Слушай, пацан, это сколько квадратных километров будет? Как у тебя с арифметикой?

– Хорошо. Только это геометрия.

– Ладно, всё одно, математика. Так сколько?

– Сейчас, – паренек начал что-то считать в уме, потом говорит, – чуть больше трехсот квадратных километров.

– Запомни, бабуля, и ты, пацан. Сейчас нам это пригодится. В Чернобыле только зараженная тридцатикилометровая зона составляет... Сколько, пацан?

– А я уже догадался, что вы хотите сосчитать.

– Ну и?

– Сейчас... м-м... Две тысячи восемьсот квадратных километров. Ну, чуть больше...
– Ё-моё! – воскликнул «спортивный костюм», – Это же почти в десять раз больше!
– В девять раз, – уточнил паренек.
– Видишь, бабуля, в девять раз. Так это только территория зоны отчуждения. В Чернобыле радиоактивные облака ветер разносил во все стороны света не менее месяца. Столько тысяч квадратных километров не забетонируешь, и в саркофаг не запрядешь. Добавь еще места, зараженные радиоактивными осадками в Белоруссии, Украине, России, наверное, 100 000 кв. км.

– Ого! Это же получается в триста раз больше! – выпалил паренек. – А вы сказали в сорок.
– Это я читал. После Чернобыля изучал всё, что смог найти о трагедии в Хиросиме. По погибшим в первый день Чернобыль не сравним. В Хиросиме и Нагасаки сразу погибло около двухсот тысяч человек. Один ученый писал, что Чернобыль в сорок раз больше нагадил. Может быть это по общей мощности радиационного заражения. Не знаю. По площади – в 300 раз.

– А сколько погибло в первый день? – спросил пацан.
– Двое. Затем в течение лета вроде ещё полсотни, а за год, слышал, больше 6 тысяч человек умерло, потом не знаю. Не говорят же. Правда года два назад была передача по телевизору о Чернобыле журналистки, помните которую похищали чеченские боевики... Забыл фамилию...

– Елена Масюк? – неуверенно спросил мужчина, сидевший рядом с мальчиком.
– Во, во! Точно, Елена Масюк. Так вот она говорила, что за годы после Чернобыля, это почти за двадцать лет, уже умерло триста тысяч человек.

– Это по 15 тысяч человек в год! – воскликнул мальчик.
– Ага. А в Хиросиме, я уже говорил, ежегодно умирают по пять тысяч. Там сразу облучилось больше трехсот тысяч человек и за шестьдесят лет столько же умерло. Тут интересная особенность – оказывается японцы в силу своей традиции редко меняют место жительства. Поэтому облученные в основном не уехали подальше от Хиросимы. А у нас облучилось больше четырех миллионов человек и разъехались они по всем областям, аж до Сахалина.

– Это что же, и у нас столько же помрет, сколько облучилось в начале? – с недоверием спросил «спортивный костюм».

– Не знаю. Нет статистики, которой можно было бы доверять. Может быть, меньше, может, больше. Никто же правду не говорит. Всех по СНГ разметало. У каждой страны свои проблемы, да и смотрят они все в разные стороны.

– А если у нас такой же темп, как у японцев? – озаботился «спортивный костюм».
– Нет. Всё-таки медицина за шесть десятков лет продвинулась. Но у нас на огромной территории выпали радионуклиды тяжелых элементов, долгоживущие, некоторые распадаются сотни лет. Так что грязь чернобыльская, наверное, уже расплзлась по всей стране. Может всех затронуть. А если реактор окончательно не успокоят, то может быть и хуже...

Последнее пристанище

Возникшую паузу прервал «спортивный костюм»:

– А может ты всё врешь, парень?
– Слушай, Петр, ну хоть ты скажи ему. Что всё молчишь? Разве я не прав? Ты ведь там небось начальником был?
– Ну, был.

Мне так не хотелось говорить о себе. Вообще я не любил разговоры на чернобыльскую тему, старался избегать их, а тут такое дело. Говорить не хочется и неудобно молчать. Тогда я решил переменить тему и сухо спросил Николая:

– А ты-то, где там был? В какое время?

Николай, немного задумался и, как бы нехотя, ответил:

– И был там,.. и не был...

– Это как? – удивился я.

– Да так, едрёна Мотя! – в сердцах воскликнул Николай. – Брат старший был у меня там. Ещё в первые дни. Получил за один день больше ста рентген. Пошел на блочный щит управления какую-то документацию забрать, хотел что-то понять, как всё случилось. Лез по кабельному каналу, через какие-то обвалы... Там же тысячи рентген свистели! Ну, и сгорел...

– Кто ему разрешил?

– Да, никто. Сам так решил... Он же принимал четвертый блок в эксплуатацию. Вот, его и заело. Вину свою чувствовал. Сразу свалился. Я его уже в Москве нашел в Воробьевской клинике. Там находилось больше сотни ребят с Чернобыля и брат. Первые лежали в спецбоксах. Часто умирали. Иногда по два человека в день. Брат умер через четыре месяца.

– М-да!.. Глупо... Можно было обойтись без этой самодеятельности... А сам ты в Чернобыле был?

– Похоронил брата и поехал туда. А уже режим, не пускают. Ты, мол, кто такой, откуда, зачем? А я просто хотел отмолить грех, что на нашей семье висит. Если бы брат Виктор не принял блок в эксплуатацию, может, и этой аварии не было бы.

– Ну, это ты не заблуждайся. Не бери чужой грех на себя. Да и не было греха. Или тогда мы все во грехе. К сожалению... Николай, авария всё равно случилась бы. От той комиссии, что принимала блок, ничего не зависело. Трагические ошибки ученых и руководства атомной энергетики выявились после чернобыльской трагедии. И вообще. Блок должен был где-то взорваться. Мы все так тогда думали. Ожидали. На Ленинградской за четыре года до того точно такая же авария была. Это могло случиться и на Смоленской, Курской. Не при чем тут твой брат.

– Ну, не знаю. Только многие винили его. И мне этим тыкали. Потому я, по специальности механик, решил, что где-нибудь пригожусь. Пробрался в зону по какой-то тропе, попросился в строительную организацию, сказал, что местный, никого у меня нет, документов нет, деваться некуда. Поверили, приняли. Выполнял всякую работу, какую давали. На Новый год все уезжали по домам, ну и я попросился съездить в Киев на недельку передохнуть. Дескать, к дальним родственникам, а сам мотнулся домой к семье, в Пермь. Приехал, нарасказывался, возможно переволновался и на второй день инфаркт. Долго лечился. А документов, когда уехал, не взял! Всё, что было со мной, там и осталось. Числился-то не как командировочный, деньги получал на месте, документов у меня никаких не было, пропуск в зону с собой взял, но он куда-то заделался, так и не нашел. Сколько лет доказываю, что я – ликвидатор. Полное название организации оказалось и не знал. Говорю, хозяйство Горбунова. А какого Горбунова, откуда он, и не задумывался, работал да и работал. Кадровые документы теперь где-то в другой стране, на Украине. Вот и получается, и был там, и не был... Ну, да ладно. А ты куда путь держишь?

– В Москву.

– По делам или отдыхать?

Я думал, говорить или нет. Почему-то не хотелось лукавить перед этим человеком. Но и при всех говорить, куда еду, тоже ни к чему, если знает, поймет, не знает, ну и ладно. Ответил коротко:

– Да, так, на Каширку.

– Во дела! Я тоже туда еду. Ну ты даёшь! Вот это да! Правда я сначала мотнусь в Киев, один хороший человек помог разыскать организацию, в которой я работал, а потом тоже на Каширку, – и оглядывая попутчиков, грустно объяснил им. – Это Всесоюзный онкологический центр при Академии наук¹⁶. Последнее пристанище. Он находится на Каширском шоссе.

¹⁶ Ныне Российский онкологический научный центр им. Академика Н. Н. Блохина Российской академии медицинских наук

Все, кто там побывал, называют его просто Каширка. Петро, а что у тебя? Операция была? Какой раз едешь?

– Оперировали, вот еду четвертый раз. До того лечился в Воробьевке в 87-ом и семь лет назад тоже. А ты?

– Шестой. Но все на Каширке. Теперь, наверное, надолго. Или... Вот, только надо документы выправить, чтобы моей любимой женушке пенсию после меня прибавили. Сказали, вышлют бумаги, а я решил сам съездить, а то мало ли что. Вдруг времени осталось немного...

Неожиданное возвращение

В вагоне стало тихо. Все опять прильнули к окнам, хотя там ничего необычного не было: лес, столбы, насыпь. Видимо, говорить никому больше не хотелось.

Так бывает: затронут тему, а она вон как выплеснется. А всем хочется покоя. Зачем своей бедой других нагружать. У них своих проблем, хоть отбавляй, и для них они важнее любого чужого горя. Всякому своя болячка больней. Как у Бунина:

*Зачем и о чем говорить?
Всю душу с любовью, слезами,
Всё сердце стараться раскрыть
И чем же? Одними словами...
Да и о чем рассказать?
При искреннем даже желаньи,
Никто не сумеет понять
Всю силу чужого страданья.*

Хотя у Бунина – «*мужского страданья*». Он это написал в дни сильнейшей депрессии, и в принципе верно для любого человека.

Люди преодолевают всякие напасти. Целыми гроздьями, одна за другой они сваливаются, превращая жизнь в беспросветную суету. И человек несет этот крест, который сам на себя взвалил. Зачем ему чужие проблемы?

Оттого мне стало неловко, что Николай и я потревожили попугачиков нашим разговором. Жаль, что и день начался с безрадостных чернобыльских воспоминаний, от которых все эти годы старался убежать. Ведь я родился в тех местах, там прошло моё детство. А потом эта трагедия. И слышать и думать об этом мучительно. Даже по прошествии почти двадцати лет.

Чтобы как-то разрядить ставшую натянутой обстановку, я пригласил Николая выйти в тамбур поднять, хотя сам не курю уже много лет. Вышли и погрузились в воспоминания, как друзья, не встречавшиеся целую вечность, почти до Москвы...

Только увидев, что уже проехали Мытищи, вернулись в вагон. Все были с нами очень приветливы, говорили, что волновались, куда мы делись, выглядывали в тамбур, там ли мы, что пора собираться, скоро Москва. Только «начальник» молчал, смотрел в окно, изредка косо поглядывая на нас.

Он первым вышел из вагона, насупившись, не сказав никому ни слова. Остальные очень трогательно прощались с нами.

Мы с Николаем собирались неспешно. Вышли на перрон, опять закурили, разговорились. Только решили идти к вокзалу, глядим, «начальник» возвращается. Подумали, наверно что-то забыл. Но он не стал заходить в вагон. Подошел, потоптался возле нас, потом вдруг говорит Николаю:

– Меня Василием Игнатьевичем зовут. Ты, Николай, того... Не держи зла... Знаешь... Иногда надо хорошо по мозгам получить... Вот мой адресок, – и он протянул Николаю вырванный из записной книжки лист. – На Каширке своей не задерживайся. Загубят. Приезжай к нам в Ветлугу. С женой. Здоровее мест нет на Земле. Поверь, не зря туда из Кирова переселился. Тоже кое-что прошел... Ну, и в Семипалатинске... На травах наших, родниках, на меду, в баньке мы из тебя всю эту дурь и злость чернобыльскую выведем, чтоб тебе и другим не мешала. А если помрешь, что ж делать. На природе-матушке помереть лучше, чем в больничной клетке. Чистым перед Богом предстанешь.

И не прощаясь, Василий Игнатьевич резко развернулся и пошел к вокзалу уверенной неторопливой походкой человека, только что совершившего важное и доброе дело.

Глава 2. ТОТ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

23 августа 2005 года

Когда я первый раз зашёл в эту палату, видимо, так устал от беготни по этажам, оформления и размещения, что поставив вещи у входа, сразу присел отдышаться. И снова полезли разные мысли в голову: «Вот опять эта больница, как сказал Николай, „последнее пристанище“. Нет. Такого не должно быть! Неужели жизнь может скоро закончиться? Господи, не дай Бог!» По коже пробежал озноб, как будто окунули в прорубь. – «Нет, нет, нет! Не хо-чу! Ещё много надо сделать! Не могу, не имею права! Позже, позже! Значительно позже-е-е! Лет хотя бы через десять!» И громко крикнул самому себе:

*Вглядись внимательно в своё нутро:
Ты – скорлупа или ядро?¹⁷*

Или размазня?.. Я резко встал и начал делать одно упражнение, которое всегда делаю в минуты отчаяния, когда в голову начинают просачиваться черные мысли. Это упражнение из системы японского целителя начала прошлого века Кацудзо Ниши. Надо встать на колени, сесть на пятки, положить руки на бедра и, наклоняясь всем телом из стороны в сторону, вправо и влево, на каждом наклоне максимально возможно втягивать живот к позвоночнику. Таких наклонов надо сделать шестьдесят.

Я чуть изменил это упражнение, добавив в него психологический момент: в такт с наклонами стал громко говорить: «Я буду/ жить/ сто двадцать/ лет!». Говорить надо бодро, уверенно, представлять себя при этом молодым и здоровым. На полу это упражнение я обычно делал по утрам. А когда днем настигали страхи, сомнения, депрессия, либо посещали темные мысли, как сейчас, делал упражнение стоя и громко, вызывающе, как будто назло кому-то, кричал, меняя ударные слова: «Я буду / жить / сто двадцать / лет! / Я буду / жить / сто двадцать лет! / Я буду / жить / сто двадцать / лет! / Я буду/ жить/ сто двадцать лет!» И так далее... Конечно 120 лет не проживу. Просто эта цифра – образ, удачно вплелась в ритм. Уныние и нездоровые мысли после этого, как правило, исчезали. Вот и сейчас, выполнив двадцать повторов, с хандрой справился.

Напутствие

Аккуратно разложил вещи в шкафу. Поставил на верхней полке фотографии родителей и сына Андрея с женой и дочкой. Вынул из чемодана иконки. Мне их подарила ещё перед операцией моя соседка по площадке, Гретта Витальевна, приглядывающая за квартирой в моё отсутствие. Весьма бодрая, жизнерадостная старушка, несмотря на свои восемьдесят два года.

Вот у кого надо поучиться присутствию духа в любой ситуации. Когда дала мне иконки, сказала: «Возьми, Петр Валентинович. Не можешь молиться, не молись. Говори с ними. Пусть иконки будут с тобой, оберегают тебя. А я буду молиться за твоё спасение. Кто ж за тебя помолится. При живых жене и сыне остаться одному. Нехорошо бобылем жить. Я буду молиться, чтобы кто нашел тебя». Вспомнил я Гретту Витальевну и на душе стало легче. Вот человек – даже на расстоянии поддерживает!

¹⁷ Строчки из стихотворения «Наоборот» Иоганна Вольфганга Гёте.

Расставил на нижней полке иконки. Попытался помолиться, получилось искусственно. «Ум ищет божества, а сердце не находит»¹⁸. Неискренне. Не буду больше молиться, пусть стоят. Затем сел за стол, вынул из чемодана весь свой скарб, книжки, что взял с собой, газеты, журналы, сложил на столе. На широкий подоконник положил несколько пакетиков с овощами и фруктами, купленными утром у метро «Каширская».

Посмотрел в окно. Взгляд заскользил по нескончаемым крышам домов, теряющимся в дымке огромного города, между которыми угадывались улицы. Внизу, мимо клиники стремительно удалялось широкое Каширское шоссе, пока не скрылось вдаль под железнодорожным путепроводом.

Круговорот

Вглядываясь в окно, я тогда подумал: «С какого же московского вокзала идет эта железнодорожная ветка?». Попробовал сориентироваться. Мне показалось, с Казанского, что стоит на Комсомольской площади, которую в народе называют «площадью трех вокзалов». Действительно, по обе стороны этой широкой, слегка вытянутой, площади, рассеченной пополам трамвайными путями, расположены Казанский вокзал с одной стороны площади, напротив, Ленинградский, Ярославский вокзалы.

Знаменитая площадь! Вот уже 37 лет я по несколько раз в год бываю на этой площади. Отсюда в восемнадцать лет начал свою дорогу в будущее, покинув родину детства и юности. С Казанского вокзала, отправился в неведомый Казахстан, на станцию Тюра-Там, в воинскую часть 12253, оказавшуюся главным военно-строительным управлением на космодроме Байконур. Там к своему возрасту я прибавил ещё четырнадцать лет очень интересной и напряженной работы.

Уйдя из дома в 14 и женившись лишь в 29 лет, холостяковал полтора десятка лет. Женат был всего девять лет. Теперь опять пятнадцать лет один.

Услужливые мысли, как на ускоренной киносъемке, понесли в прошлое, замелькали точки на карте: Камчатка, Ужур, Капчагайская ГЭС, Восточный БАМ. Вспомнилась граница с Китаем в районе Жаланаколя, радиорелейная линия Фрунзе – Ош, ракетные комплексы на Северном Казахстане, под Костромой и Калугой, да ещё Монголия. Жизнь потрепала изрядно, обкатала со всех сторон. Потом атомная энергетика, пуск первых энергоблоков на Смоленской и Калининской АЭС. Три спасательные операции после землетрясений в Ташкенте, Спитаке, аварии в Чернобыле...

Когда работал на Калининской атомной, приезжал на другую сторону площади – Ленинградский вокзал. Через тридцать два года стал приезжать в Москву на Ярославский вокзал. Вот круг трех вокзалов и замкнулся.

Сколько ещё мне придется приезжать сюда? Или осталось немного? Господи, опять лезут эти мысли! Стоп-стоп! Не расслабляться! Как там у Губермана?

*Думать каждый день о черном дне, —
Значит, делать черным каждый день.*

Так, на чем я остановился? Ага. Утром приехал в Москву... Вышел из вагона с Николаем... Подошел Игнатич...

Мысли невольно возвратились к нашему утреннему разговору в поезде... Да-а! Со сколькими чернобыльцами я встречался за годы после аварии, но эта встреча была необычна. Я не во всем согласен с Николаем. Но его равнодушие, боль за всех и за страну тронули меня глубоко и не давали успокоиться. А еще этот Василий Игнатьевич! Я сам еле сдерживался,

¹⁸ Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Безверие».

чтобы не сказать всё, что о нем думал. Николай сделал это с лету, хлестко, жестко, хотя и многословно. И тронул видать, не только меня... И вон под конец, как все обернулось!

Дневник

Жаль, нет рядом таких Николаев, которые бы растолкали, разбудили, окатили ведром холодной воды, чтобы выпрямился скукожившийся человек, поднял голову и увидел, что главное в жизни не суэта ради быта и мирских утех. И кто нам мешает жить по-другому, без ушата ледящей воды? Кто? Мы сами...

*Спим и хнычем, в виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем Бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.*

Это почти век назад про нас сегодняшних сказал Саша Черный. Видимо без людей, несущих правду в промытые властью и идеологией мозги, народ затухает. Такие Николаи и есть Прометеи, Данко, пробуждающие и дающие свет жизни...

Жаль адреса Василия Игнатьевича не взял и фамилию у Николая не спросил...

Последние годы блекнут по сравнению с яркими дочернобыльскими. Работа – дом, дом – работа, работа – дом и так далее. Карусель. Вот и сын вырос. Отдалился в заботах о своей службе, жене, дочке. Через столько лет, нашла Андрея его мать, то бишь бывшая моя женушка, бросившая нас ради своих утех и никогда эти годы не вспоминая о сыне. Наверное счастье закончилось, вот и потянуло назад, замаливать свой грех. А сын принял её, видать истосковался по материнской любви, даже стал редко писать мне. Возможно, я ему уже и не нужен. Значит, эстафетную палочку жизни, врученную мне когда-то моим незабвенным отцом, я передал дальше. Пост сдал, пост принял.

Что останется после меня? Память сотрется, вещи истреплутся. А дневник сохранит Андрею частичку меня, расскажет ему, как мы жили, о чем-то предупредит, насторожит. В общем буду писать. Кроме того, дневник – это разговор с самим собой, когда нет другого собеседника.

Шрамы

Уже шёл пятый день моего очередного пребывания на Каширке. Придя после ужина в палату, я присел к столу и решил перечитать то, что записал накануне. Через некоторое время постучали в дверь. С неудовольствием проворчал:

– Да-да, кто там?

Молчание. Не желая отрываться от чтения, я крикнул:

– Да входите же!

Медленно приоткрывая дверь и, как всегда стесняясь, вошла Татьяна и стала у порога. Мы не виделись полгода, после моего предыдущего приезда. Не ожидал ещё раз увидеть её.

Это была женщина на вид лет двадцати двух – двадцати пяти, невысокого роста, худенькая, с детским выражением лица и очень грустными глазами. На самом деле ей было уже за тридцать. Шесть лет назад при прохождении обследования в связи с беременностью у нее обнаружили опухоль. Тяжелая и опасная болезнь – лимфогранулематоз, т.е. лимфосаркома.

Рожать не разрешили. Сказали, умрешь до или во время родов. Но Татьяна хотела родить и родила. Потом лечение в Оренбурге. И, как часто это бывает, перед неистовым стремлением жить, болезнь отступила. Но не навсегда. Полтора года назад обнаружилась опухоль щитовидки.

В Оренбурге она отказалась от лечения и поехала без направления в Москву. Отец у нее умер от рака желудка через три года после аварии на Чернобыльской АЭС. Они жили в Припяти, отец работал в той смене, в которой произошла авария на 4-ом блоке, он был старшим инженером по управлению реактором первого блока. Тогда несколько человек с первого и второго блоков помчались на четвертый помогать ребятам. Все переоблучились.

Отец Татьяны не побежал. Её мама работала поваром в столовой на станции. Родители сразу решили бросить всё и уехать подальше от этого взрыва. В Орске под Оренбургом жили родители отца, туда они и бежали. Но Чернобыль всё равно догнал. Отец умер, Татьяна лечилась от злокачественной лимфомы. Дети остались с мамой. Муж, чтобы прокормить семью, нанялся на заработки в Подмосковье к одному из бывших орских крутых.

За полгода, что не виделись, она осунулась, сникла.

– Это я. Здравствуйте Петр Валентинович! С приездом!

– Здравствуйте, Татьяна! Ну что встали у двери? Проходите, присаживайтесь. Не думал, что вы ещё на Каширке.

– Я, Петр Валентинович, только вчера узнала, что вы приехали. С утра караулила, да, наверно, в обед пропустила. Я вас очень ждала. Как хорошо, что вы приехали.

– Я тоже рад вас видеть. Но, в то же время, не обижайтесь, и не рад. Потому что вы всё ещё здесь.

– А вы моё второе письмо получили?

– Да. А вы моё?

– Да, храню. Спасибо вам, что поддерживаете меня.

– Вы же писали, что скоро выпишетесь, потому я и не думал вас здесь застать. Какие у вас новости?

– Последние анализы незадолго до выписки вдруг резко ухудшились, меня задержали. Было опять полное обследование, появилась ещё одна небольшая опухоль неподалеку от предыдущей, сейчас прохожу новый цикл химиотерапии. Если не поможет, будут оперировать. Как думаете, Петр Валентинович, будут грудную клетку вскрывать, а?

– Наверное. Но вы не бойтесь, под наркозом ведь.

– Я операции не боюсь. Жаль, грудь всю искромсают. И так шрамы на шее, в паху, еще и на груди будут. Муж разлюбит.

– Ну, и у меня шрамы. Видите, какие крупные на шее, да ещё на животе, ноге. У тебя на шее косметический шов, под бусами не видно. Женщинам всегда косметические швы делают.

– Конечно, в одежде да под бусами не видно. А дома. Зачем я ему вся изрезанная, да еще больная?

– А вы нагишом перед ним не ходите. Лишь, когда темно.

– А он любит смотреть на меня обнаженную.

– Татьяна, да Толя любит вас любую. Мне даже кажется, что он вас любит больше, чем ваших детей. Как они, как мама?

– Устает. Помочь некому. Дедушке уже восемьдесят, Саня в подготовительном классе в детсаду, Мариночка дома, нет мест в детсаду. И все мама. Нет, я не выдержу. Брошу всё.

– Татьяна, помните певица была Майя Кристалинская. Она еще всегда в шарфике ходила, шею прикрывала. Такой мягкий приятный голос. Песни задушевные пела.

– Конечно! Говорили, что ей в какой-то хулиганской банде шею порезали, вот она и скрывала шрам под платочком. Тогда, наверно, косметические разрезы не умели делать.

– Нет. Это глупые слухи. Она была больна, так же как и ты. У нее тоже был лимфогранулематоз. И щитовидку ей резали, и грудь, и облучали не раз. Тридцать лет она боролась с болезнью. И пела. Да как пела! У вас есть, как минимум, столько же. Вам здесь лежать не больше года. Потом вернетесь. Еще внуков нянчить будете. Я вам подарок привез.

Не всё потеряно!

Я открыл шкаф, вынул большой пакет и подал Татьяне.

– Это вам. Возьмите, раскройте.

– Ой, Петр Валентинович, это же картина!

– Да.

– А чья?

– Неважно.

На самом деле картина была предназначена не ей. Эту линогравюру попросил меня привезти мой сослуживец по Байконуру, живущий в Подлипках под Москвой Сережа Петюнин. Как-то он увидел репродукцию этой картины одного костромского художника в каталоге выставки, она ему очень понравилась. Попросил заказать копию для него. Но сейчас мне показалось, что эта картина Татьяне нужнее. Он не обидится. Я ещё ему копию закажу.

– Петр Валентинович, странная эта картина. Завитушки, завитушки... Я не понимаю. В ней какая-то тайна, что ли?

– А вы всмотритесь получше, внимательнее.

– Да... вижу. Это же рыбацкая сеть! Только запутанная, штопанная-перештопанная, сушится на берегу реки. Наверно, только после рыбалки, с новыми дырками. А как название?

– Посмотрите на обороте.

– «Не все потеряно!»...

– Вот-вот. Не всё потеряно! А знаете почему?

– Не совсем понимаю...

– Можно сеть распутать, заштопать, новую сплести наконец. Главное, чтобы река не обмелела и рыба в ней не перевелась. Не все потеряно, пока река жизни несет свои воды в будущее.¹⁹ Ваша река жизни – это ваши дети, мама, бабушка, ваш Толя. Вы нужны им. Я недавно читал у одного нашего костромского философа, что жизнь человека ему не принадлежит, что жизнь любого человека принадлежит не ему, а его детям, супругу, родителям и всем тем близким, кто нуждается в нем, и не только материально, но и кто нуждается в его заботе, ласке, любви, совете, поддержке.

Мы ведь живем ради своих детей, родных. Когда им плохо, плохо и нам, и мы стараемся помочь им, а если нас нет, кто им поможет? И мне стала очень близка эта мысль. Подумайте об этом. Вы нужны детям, мужу, маме, бабушке. Не хандрите, крепитесь!

Лицо Татьяны немного просветлело. Она порывисто встала, подошла ко мне и неожиданно поцеловала меня в щеку. Как давно никто не целовал меня! Тем более молодая женщина.

– Петр Валентинович, я пойду. И так помешала вам.

– Отчего это вы взяли?

– А вы, по-моему, письмо писали.

– Нет, не письмо. Это запись одной встречи, которая произошла в поезде в день моего приезда в Москву. Очень запоминающаяся беседа, захотелось записать по свежим следам.

– Дадите почитать?

– Не знаю, ведь это как бы дневник. Ну посмотрю, может быть, кое-что и дам почитать.

– А разве в дневники записывают беседы?

– Да что хочется душе, то и записывают. Здесь канонов нет. Это же дело личное, для себя пишешь.

– А о чем был разговор?

– О, это была непростая встреча! Говорили про нашу страну, про память, Чернобыль...

¹⁹ Здесь и везде в рукописи подчеркивания сделаны Петром Русенко. Видимо эти мысли ему запали в душу, когда перечитывал написанное..

- Ой, я стараюсь о Чернобыле не думать.
- Старайся, не старайся, а он в нас сидит и будет сидеть до конца наших дней.
- Да уж. Но как тяжело с этим жить! Нет дня, даже часа, чтобы Чернобыль не напомнил о себе.

Начало

После небольшой паузы, я спросил:

- Слушайте, Татьяна, хочу уточнить. Когда авария произошла, вам было лет 12 или 13?
- Тринадцать. Заканчивала седьмой класс. Так его и не закончила. В восьмой класс в Орске взяли без документов.

– Что вы помните из тех первых дней после аварии?

– Помню только первый день, второго дня у нас не было. На всю жизнь запомнила. До сих пор в голове крутится.

– Как вы узнали об аварии?

– Утром не хотелось вставать. Была суббота. Думала поваляться в постели. Но проснулась рано от гула голосов на кухне. Встала. Дверь на кухню закрыта. Говорят авария какая-то. Потом, как сейчас всё помню, папа и говорит: «Помнишь, Сергей Степанович (это наш сосед), в 83-ом году выброс был у нас на станции. Тогда всю траву скосили, хотели даже наши знаменитые розарии срезать. Тоже молчали, а люди по улицам ходили, дети бегали. Никто ведь не знал. Так, небольшая нештатная ситуация. А потом онкологическое отделение в медсанчасти создали». – «Григорий (это мой отец), но выброс тогда был небольшой». – «Да, небольшой. А улицы две недели пожарными машинами поливали. Неспроста. А сейчас, что малый выброс? Блок-то разрушен. Думаю была не утечка радиоактивности, как в 83-ом, а выброс ядерного топлива из реактора. Может быть и до города долетело. Тикать надо, Сергей Степанович!»

Я не все поняла. Но так захотелось разузнать побольше, а может и поделиться услышанным. О предыдущем выбросе я не знала. Мне значит тогда было десять лет. И что такое мыть целый город, я тоже не понимала.

– Это значит... – хотел я разъяснить, но Татьяна перебила меня и нервно продолжила свой рассказ.

– Теперь знаю. А тогда я оделась, сбежала вниз, взяла в колясочной свой велосипед. И поехала к школе. А там уже было много ребят, в том числе и из нашего класса. Почему мы тогда к школе бросились? Не знаю. Все пересказывали друг другу, что знали. Помню, Васька Телицин говорит, что ночью слышал сирены пожарных машин, проснулся, посмотрел в окно – над станцией пламя огня, а в небе малиновое зарево и заключил: «Такая красотища!» Это потом мне отец объяснил, что малиновое свечение происходит при излучении в несколько тысяч рентген. Если бы мы знали, что это такое! А тогда, кто был на велосипедах, все поехали на мост смотреть пожар. Многие и пешком на мост приходили. Мостом мы называли путепровод через железную дорогу. С него отчетливо был виден разрушенный реакторный куб, гигантский, выгнувшийся на север столб черного дыма и клубы белого пара. Зрелище завораживающее! Блок был как на ладони. Многие, и дети, и взрослые, приходили тоже поглазеть. А там ведь было опасно.

– О-хо-хо, Татьяна! Куда же вы полезли? Это, наверное, только у нас когда происходит беда, то на неё бегут посмотреть. В других местах – убегают, побыстрее и подальше...

– Все дети были на улицах, – продолжала Татьяна, – кто не уехал с родителями на дачи. Малыши играли в песке, в речке купались, гоняли в футбол, на мост бегали. А город уже был накрыт смертью. Что стало с ними? Ничего ни о ком не знаю.

– А что еще помните?

– А еще в тот день, много свадебных кортежей по улицам разъезжали. Апрель теплый был. Ничего худого не предвещал. Как всегда машины с молодоженами ездили в сосняк

к памятному знаку цветы возлагать. Через мост ездили. Отец меня на мосту нашел. Дома такая взбучка была! Он кричал на меня, а потом обнял и заплакал. Папочка уже тогда понимал, что мне и ему, и нашей семье предстоит пережить.

Татьяна достала из кармана платочек и продолжила:

– В тот же день отец не пошел в ночную смену. И никому ничего не сказав, вечером погрузились в наш жигуленок и поехали в Киев. Не доезжая Иванкова, нас остановила милиция. Куда, откуда? Папа что-то им говорил. Пропустили. Отец долго потом смеялся: «А дозиметров-то у них нет, дозиметров нет!» Но на окраине Киева нас дальше не пустили. Папа свернул, и мы поехали на станцию Ворзель, где в Доме отдыха мы когда-то отдыхали всей семьей. Папа сказал: «Бросаем машину, она все равно грязная, ее уже не очистить от радиации. Надо бы и вещи бросить». Оставили при себе документы, фотоальбомы, минимум одежды (потом в Орске всё закопали за городом) и поехали на электричке в Киев, оттуда уже к бабушке с дедушкой.

Приехали в Орск нервные, обессиленные. Я совсем стала слабая, ничего не хотелось делать. Началась школа, училась еле-еле на тройки. А ведь в Припяти я была отличницей, председателем совета пионерской дружины школы. В Орске меня сразу включили в совет дружины. Потом ругали везде, родителей вызывали, отец кричал. А я не могла. Мне стало как-то совершенно все равно. Пошли двойки. Оставили на второй год. В девятом классе тоже два года просидела. Школу бросила, работала посудомойкой у мамы в столовой.

Если бы не Толя, так бы и осталась девятиклашкой. Ой, как я его крепко полюбила! А он всё говорил мне: «не кончишь школу, разлюблю». Ну, я и пошла в вечерку и одновременно в ПТУ учиться на повара. Хорошо еще мама помогала. В двадцать один год после ПТУ вышла замуж за Толю. Три года боялась иметь детей. Но потом окрепла, работала поваром в кафе. Многие говорили, беременность укрепит здоровье, да и семью. Ну, я и решилась. И хотя обнаружили опухоль, я все равно родила, мне тогда казалось, что с Толей я победила и Чернобыль. Вторую беременность тоже требовали прервать, я не смогла – очень уж Толенька хотел детей. Вон как все обернулось. Лишь бы на детях не отразилось!

Глаза у Татьяны опять заблестели.

– Думали убежали от Чернобыля, оказалось, что нет. Ни папка, ни я. Что будет с мамой, с детьми?

– Вот потому и говорю вам, нюни не распускайте. вы теперь много знаете. Выкарабкивайтесь! На первом этаже видели, продают книги по медицине, здоровому образу жизни, целительству. Я в прошлый раз купил несколько штук. Все прочитал. Так вот, там говорится, что главное – это иммунитет, а его состояние зависит от нашего питания, образа жизни, физических нагрузок и нервов. Изучайте, боритесь, потом ваш опыт поможет и вашим детям. Это у меня жизнь закончилась, я свою миссию выполнил: сын – взрослый, я уже никому не нужен. А ты – в самом начале. Плюс вы имеешь великое счастье в своих руках – Толю. Любовь – самое сильное лекарство. Любовь вас выучила, она и вылечит. Дорожите Толей! Не всё потеряно!

– Спасибо, Петр Валентинович! Я на седьмом этаже в пятой палате. Будет время заходите. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, Татьяна!

А ночи-то беспокойные. Воспоминания изъедают. Лечение тревожит. Врачи на Каширке сплошь кандидаты да доктора наук. Пациенты склонны доверять тем, кто обладает значительно большими знаниями. Если имеются ученые звания, степени, то доверие безоговорочно. Как жить, если не доверять знающим?

Но история с Чернобылем научила меня не верить научным кумирам. Они исписали все учебники, что не может реактор взорваться, а взрыв произошел.

У меня хватит сил и терпения, чтобы как Мюнхгаузену, тащить себя за волосы из болота. Только вот зачем мне это? Теперь незачем... Стоп!.. А может теперь дневник и есть моя цель?

Если каждый, кто много знает важного об этой беде, напишет, может, это научит людей, как не создавать подобные проблемы.

Да. Надо написать об истинных причинах и виновниках чернобыльской трагедии! Это всё ещё замалчивается. Если вернусь домой с Каширки, обязательно напишу.

Глава 3. РОЗОВЫЙ СЛЕД

26 августа 2005 г.

Продолжаю. Тогда я вышел на галерею, которая на каждом этаже опоясывала темно-серого цвета двенадцатиэтажное здание онкоцентра. Темная безлунная ночь.

*Я вновь один – и вновь кругом
Всё та же ночь и мрак унылый.²⁰*

Вот и я вновь один, и мгла вокруг, и душу скребут отголоски разговоров с Николаем и Татьяной. Но эта ночь – в Москве, а не в Припяти, когда я первый раз приехал туда после аварии. Духота жаркого безветренного московского дня сменилась ночным прохладным ветерком, постепенно очищавшим столицу от отравляющих газов машин и заводов. Где-то внизу, уставший от напряженного суматошного дня, отсыпался огромный, великий город. На чистом от облаков небе мерцали мириады звезд. Почти полностью просматривался ковш Большой Медведицы. Призывно и надежно светила Полярная звезда. Вспомнилось из Владимира Высоцкого:

*В небе висит, пропадает звезда —
Некуда деться!*

Вон их сколько! На всех хватит. Насыщенные сочной ярко-красной пульсацией крупные звезды в окружении множества более мелких звездочек образовывали удивительные скопления. Всё небесное пространство пересекал Млечный путь и взгляд погружался в его манящую пелену. Зачем столько звезд? Может потому, как говорил Маяковский, что всем нужно по звезде? И чтобы она была рядом, грела, бодрила, воодушевляла. Но у меня никогда не будет такой звезды. Чернобыль оскопил меня, кому я такой нужен? Значит, остается только смотреть на звезды...

Полет

Я сел на стул, запрокинул голову и устремил свой взор в манящую, завораживающую глубину созвездий и галактик. Чем дольше я вглядывался в звездные скопления, тем больше они превращались в моем воображении в необыкновенный цветник. Небо стало представляться огромной клумбой, а Млечный путь – созвездием роз. Вдруг вспомнились розарии доаварийной Припяти.

И понесла меня память, полетела по этому, притягивающему к себе, розовому следу, на мою первую родину, в места моего малолетства и отрочества.

Туда, где в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года в трех километрах от современного прекрасного города-цветника Припяти произошла крупнейшая в мире и тяжелейшая по своим последствиям ядерная катастрофа. Туда, куда я потом вернулся, чтобы принять участие в спасении моего родного края.

Именно с таким чувством в 1986 году, накануне Дня Победы, я спешно ехал по срочному вызову в Москву. Там в министерстве энергетики наконец-то получил долгожданное направ-

²⁰ Строчки из стихотворения С. Я. Надсона «Над свежей могилой».

ление на Чернобыльскую АЭС, куда я рвался с первых дней, когда услышал об аварии. Как торопился я на подмосковный военный аэродром Чкаловский! Добирался первым грузовым бортом в аэропорт Борисполь и, не останавливаясь в столице Украины, как птица, летящая домой на гнездовье, пронесся через цветущий Киев в Чернобыль.

Разместили меня в бывшем общежитии техникума. Переодевшись в белый рабочий костюм, надев на голову белую шапочку, прикрепив на шею, как кольцо, только на суровой нитке, пропуск со штампом «ВЕЗДЕ» и нацепив на лацкан куртки накопитель гамма-облучения, устремился на предоставленном для меня бронетранспортере в Припять, чтобы поскорее увидеть то, что я так боялся увидеть, – пустой город.

Война

На въезде в городок атомщиков расположился неказистый вагончик. Рядом шлагбаум. Это милицейский КПП – контрольно-пропускной пункт. Вокруг города временное ограждение в несколько рядов колючей проволоки по железобетонным столбам выше человеческого роста.

И вот я в Припяти. Проехали по улицам. Безлюдно, пустынно, бесхозно. Из темноты выступают огромные серые прямоугольники бывших жилых домов, мрачных, без света в окнах, как без лица. Тускло и приглушенно светят редкие уличные фонари, как будто лишь для того, чтобы слегка обозначить улицы. Не город, а привидение. Город-призрак.

И вдруг выскакиваем из этой темноты в море огня на центральной площади в районе горкома партии и гостиницы «Полесье». Здесь кипит жизнь.

В горкоме располагалась Правительственная комиссия. Подъезжали и отъезжали легковые и грузовые машины, бронетранспортеры. Вбегали и выбегали люди в военной форме, штатской и специальной одежде. В здании непрерывно проходили заседания, совещания, споры по возникающим проблемам, мозговые атаки, встречи руководителей и специалистов.

Туда-сюда по коридорам носились усталые люди с воспаленными от бессонницы глазами – небритые мужчины, небрежно одетые женщины. Внешний вид теперь не имел смысла, главное было выполнить быстро и своевременно то, что поручалось. Сроки исполнения заданий устанавливались с точностью до часов, а то и минут. Здание напоминало штаб в условиях боевых действий. Беспреданно звонили телефоны, люди кричали в трубки, как будто от силы этих криков можно было ускорить исполнение срочных и важных заданий. Без усталости стучали клавиши печатной машинки, не умолкая, стрекотал телетайп.

В здании и вокруг него по всему было видно, идет война. Нешуточная война. Такая, какой не приходилось вести никому. Не было знаний, опыта – ни своего, ни чужого. Противник близко. Рядом. Повсюду. Но незаметен. Он окружал со всех сторон. Этот коварный враг нападал на каждого, кто прибывал в зону и цепко держал каждого за горло. И нельзя было от него отбиться, потому что он был невидим. А надо победить, хоть и с удавкой на шее. Это – война. Необычная, ненормальная, неправильная, но война. Так эту спасательную операцию и называли – «война».

Во всем проглядывались фронтовые обычаи, военная беспрекословность, штабной лексикон, армейский жаргон. Всё, что было за пределами зоны, называлось «*Большая Земля*». Жили и работали по законам военного времени. В общем, «*a la guerre comme a la guerre*» – на войне, как на войне.

Всю ночь во всех окнах горел свет. Штаб работал. Под его руководством в эти первые дни было сделано много чрезвычайного, неотложного, беспрецедентного. В цейтноте времени организовывались и осуществлялись беспрецедентные работы по заглушению реактора, уменьшению радиоактивного излучения из жерла разрушенного блока. Были приняты важнейшие по своим последствиям решения. Введенные в зону воинские части разных родов войск вместе с гражданскими организациями различных министерств и ведомств работали на пределе своих возможностей.

Черногородский

Принял меня Валерий Петрович Черногородский, часто и впоследствии приезжавший отдельно или вместе со своим шефом, зампредом Правительства СССР, Иваном Степановичем Силаевым, который нередко замещал председателя правительственной комиссии Бориса Евдокимовича Щербину.

Валерий Петрович был человеком удивительной судьбы, передовых взглядов. Даже значительнее либеральной и демократичней молодых либералов и демократов первой волны. Эти его черты совмещались с пониманием, что наскоком ничего хорошего сделать нельзя, не в пример младореформаторам и иным птенцам из ельцинского гнезда. Они, по сути, являлись неособыми, потому что использовали те же методы, что и большевики: *«сейчас и быстро; до основанья, а затем; люди – средство, умные – помеха; мы – всё, остальные – ничто»*. Хотя их называют либералами и демократами, они таковыми никогда и не были, ибо их методы и не либеральны, и не демократичны. Из-за них благородное слово «демократ» в нашей стране приобрело негативный оттенок.

Валерий Петрович был истинным реформатором, основательным и мудрым, решительным, расчетливым, но и принципиальным. Ещё работая в косыгинском правительстве²¹, Валерий Петрович организовал создание первого в СССР акционерного общества с государственным капиталом.

Именно ему через четыре года после чернобыльской аварии первое Правительство новой России поручило разработку никогда не существовавшего в нашей стране закона о конкуренции и назначило его первым руководителем соответствующего федерального органа. Валерий Петрович хорошо разбирался в людях и привлекал к делу толковых, умных, современно мыслящих специалистов. Но совершенно незаслуженно его сняли с работы в 1992 году, только потому, что он не давал согласия на акционирование на условиях, выгодных небольшой кучке чиновников государственного концерна «Газпром», который ранее возглавлял заместитель председателя правительства, знаменитый «искажитель» русского языка и любимый персонаж пародистов, Виктор Степанович Черномырдин, в конце того же года на целых шесть лет ставший премьером правительства. Он-то и добился снятия Валерия Петровича с должности.

Прошло время и правота той позиции Валерия Петровича подтвердилась сполна. Но дорогая цена заплачена: понадобилось десять лет, чтобы только начать попытку сделать деятельность «Газпрома» прозрачной и постепенно взять под контроль расходование средств этой вырвавшейся из рук государства монополии. Многие прогрессивные и весьма актуальные даже сегодня начинания и замыслы Валерия Петровича в сфере государственного управления и развития бизнеса до сих пор не реализованы правительством и его пятью приемниками.

В те периоды, когда Черногородский приезжал в Чернобыль, работать с правительственной комиссией было проще и продуктивнее. Он умел держать дистанцию. Когда я с Валерием Петровичем общался, то порой казалось, что уже давно знаком с ним и можно переходить на ты. Но редко кому он позволял называть себя Петровичем. Когда разговор переходил с бытового на деловой, сразу же возникала какая-то невидимая преграда, которую и наглые люди не могли перейти, даже если до этого они были на ты и называли друг друга по имени. Таким и остался Валерий Петрович в моей памяти.

Принимая меня, он быстро, без проволочек выполнил все необходимые формальности, доходчиво ввел в курс дела, разъяснил стоящую передо мной задачу, дал ряд наставлений,

²¹ Косыгин Алексей Николаевич (1904—1980), председатель Совета Министров СССР в 1964—80 гг. В конце 60-х – начале 70-х гг. пытался осуществить реформу управления народным хозяйством и перевод государственных предприятий на хозрасчет с поощрением экономической инициативы.

важных производственных и бытовых советов. У нас как-то сразу сложились добрые, деловые отношения.

В первом же разговоре обнаружилось, что Петрович тоже был из этих мест, наши деревни находились всего в двадцати километрах друг от друга. Кто знает, может мы когда-нибудь и пересекались раньше, тем более что в разговоре выявились общие знакомые. После Чернобыля с Валерием Петровичем мы встретились только однажды. Через двенадцать лет совершенно случайно мы столкнулись в Москве. Забыв друг друга по фамилии, мгновенно узнали по лицу. Он к тому времени сильно осунулся, поник душой, лицо было серого, болезненного цвета. Всё переживал, что его выкинули из обоймы, лишили участия в перестройке страны, о которой он мечтал ещё с косыгинских времен. Пусть земля ему будет пухом, а память о нем в сердцах благодарных коллег – елеем на его страждущую душу.

Легасов

Валерий Петрович представил меня своему тезке академику Валерию Алексеевичу Легасову, члену правительственной комиссии, отвечавшему в ней за принятие решений по укрощению взбесившегося реактора. Также он был первым заместителем директора Курчатовского института Анатолия Петровича Александрова, одновременно президента Академии наук СССР.

Другой заместитель Александрова, Евгений Павлович Велихов, самый молодой академик, каковым стал в 38 лет, был известен многим. А о Легасове я не слышал, что вообще-то было неудивительно, ибо Валерий Алексеевич был химиком-теоретиком, а практических разработок ядерной промышленности, проектов атомных реакторов и их эксплуатации не касался. Этим занимались Курчатов, Александров, Доллежал, Славский, Велихов и др.

Легасов на вид был нескладным, мягким, совершенно штатским человеком. В белом халате и белой шапочке, как принято одеваться оперативному персоналу на ядерных объектах, Валерий Алексеевич выглядел естественно, если бы находился в лаборатории, но здесь, в почти армейской обстановке, да ещё и в здании горкома партии, казалась неуместной такая внешность, и само его присутствие.

Однако, это было на первый взгляд. Эти десять дней видимо потрясли его так, что передо мной сидел не добрый профессор, каким он был в дочернобыльское время, а командир генеральского уровня. Речь его была отрывистой, четкой, я бы даже сказал, экономной. Ответов от меня требовал точных, прерывал отступления, не сбивался на темы, не связанные с направлением его деятельности в Чернобыле и со стоящей передо мной задачей. Я сразу же проникся уважением к нему. Это был человек-разум. Он вселял уверенность. Познакомившись со мной, с опытом моей предыдущей деятельности, Легасов, не теряя времени, ввел меня в курс ситуации на блоке. Его высказывания были исчерпывающи и понятны. Закончил беседу Валерий Алексеевич неожиданно:

– Так. Официальная часть закончена.

И вдруг, как-то переменившись, уже другим тоном сказал:

– Петр Валентинович, не могли бы вы на минуту задержаться. Есть один вопрос. Вы не возражаете?

И это уже был завлаб, добрый, ласковый профессор.

– Я полностью в вашем распоряжении.

– Скажите, Петр Валентинович, как энергостроитель, что вы знаете о воздействии радиоактивного излучения на бетон? Только честно. Меня многие уверяют, что этот фактор для бетона незначителен и им можно пренебречь.

– Непосредственно, не знаю. Вот вода вода может агрессивно воздействовать на бетон, особенно если в ней есть растворенные соли. Насколько мне известно радиация повышает кислотность воды, тогда...

Не дав мне продолжить, Валерий Алексеевич всплеснул руками, вскочил со стула и заходил по комнате.

– Ну вот, я так и знал! А они мне говорят, что это можно не учитывать, пренебречь за малостью.

– Так об этом во всех учебниках написано.

– Дело здесь не в учебниках. И не в их знаниях. Я сейчас пойду, им скажу, что вы мне сообщили, а они и не будут это отрицать. Почему вы заговорили о воде? Вы что, уже побывали на блоке? Или вам уже рассказали, что там происходит?

– Нет, на блоке не был, и что там происходит не знаю, – я был в недоумении. – Хотелось бы скорее побывать.

– Успеете. Так вы ничего не знаете?

– А что я должен знать?

– Весь блок залит водой, особенно нижняя часть, как строители называют, несущие конструкции. А вода на блоке вся радиоактивная! Понимаете? Значит... со временем бетон будет разрушаться. Так?

– Естественно. Куда же ему деваться. Он и от простой воды разрушается, если нет гидроизоляции. Да ещё как!

– Охо-хо! Видите! Когда я спрашивал их о воздействии радиации на бетон, они имели в виду лишь само излучение, а о воде не подумали. Знаете, как это называется?

– Не догадываюсь.

– Охватить весь круг проблемы. У вас получилось.

– Ну, Валерий Алексеевич, по одному случаю не судят.

– По одному случаю судят и надолго, могут и расстрелять. Оценку одному факту тоже можно дать. А вот человеку как личности оценку дают по совокупности его действий. Бывает оценивают люди, бывает оценку дает время. Вы тоже получите свою.

– Согласен. Надеюсь положительную.

– Посмотрим. Здесь человек быстро проявляется. Прошу вас, Петр Валентинович, каждый вечер после заседания комиссии заходить ко мне пока будете здесь.

– Валерий Алексеевич, а что же произошло на станции?

– Произошла ядерная катастрофа всемирного масштаба.

– Но так в газетах не пишут.

– Напишут. Всё напишут. От истины никуда не деться.

– А в чем причина?

– Это ещё надо понять, – и по-военному сказал. – Разберемся. А теперь всё. Больше не задерживаю вас. До свидания.

По-моему последние фразы он говорил автоматически. Его пронзительный ум уже занимался чем-то другим. Не обращая на меня внимания, он сел за стол и начал что-то писать.

Вот так я познакомился с этим великим человеком. Валерий Алексеевич раньше всех разгадал загадку чернобыльской трагедии и понял истинную причину этой катастрофы. Он первым назвал чернобыльскую аварию «*ядерной катастрофой всемирного масштаба*». Прошло время, и власть была вынуждена с этим согласиться. Легасов первым сказал, что надо было делать в той экстремальной ситуации, и начал создавать систему, чтобы такие аварии не могли повториться. Он выдвинул идею и подготовил создание Института безопасности. Но директором его не поставили. К этому времени Легасов власти был не только неинтересен, но, видимо, даже опасен. Той власти.

Через год с небольшим после аварии, мы повстречались с Валерием Алексеевичем в Воробьевской клинике. Это был другой Легасов. Неимоверно уставший, измотанный, бледный. В голосе его звучала печаль и страдание. В те дни и в несколько следующих встреч, пока я находился в Москве, мы с ним о многом говорили. Об этом тоже надо будет написать.

Вера в то, что можно многое сделать, чтобы не было аварий с тяжелыми последствиями, в Легасове постепенно угасала. Ему мешали, его не хотели слушать. К задуманному и созданному им Институту безопасности не подпустили. Не могли простить того, что он говорил правду о Чернобыле. Боялись честного человека.

Когда Валерий Алексеевич узнал, что многие годы работал рядом с теми, кто был настоящими виновниками аварии, его исключительно совестливая душа не выдержала признанного им кощунства, лжи и, конечно, глумления над ним. Он добровольно ушел из этого кошмарного мира, потому что посчитал и себя виновным. Он сам себя осудил, не дождавшись оценки временем, приняв на себя чужой грех и на следующий день после второй годовщины чернобыльской трагедии покончил жизнь самоубийством. Простите нас, неразумных, дорогой Валерий Алексеевич!

Мы всё ещё не дождались осуждения истинно виновных. Хотя бы моральной оценки. Об этом я тоже напишу.²²

Овчаров

Вечером следующего дня выходя из горкома, на лестнице, я столкнулся с Виктором Петровичем Овчаровым, моим давним знакомым по работе на оборонных объектах. Вместе с ним мы пускали испытательный ядерный реактор под Новосибирском, пускали первый блок Смоленской АЭС. Именно по его совету я перешел на работу в атомную энергетику. Да и потом мы нередко встречались.

Виктор Петрович был исключительно эрудированным человеком, профессионал с высокой буквы. Ещё в 1957 году, только окончив институт, работая в Миассе, ему пришлось участвовать в ликвидации последствий ядерной аварии в Кыштыме на комбинате «Маяк» под Челябинском.

Это была первая ядерная авария, когда радиоактивность распространилась на огромное пространство за пределы санитарной зоны предприятия. Также это была первая ядерная авария из всех в СССР, о которой стало известно стране только после аварии на Чернобыльской АЭС. Тогда взорвалась бетонная емкость с высокоактивными материалами на хранилище радиоактивных отходов из-за выхода из строя системы охлаждения емкости. Мощность взрыва 100 тонн в тротиловом эквиваленте, а мощность излучения 150 рентген в час. В районе Кыштыма создали Опытную научно-исследовательскую станцию Министерства среднего машиностроения, под названием «Совхоз».

После Миасса Виктор Петрович работал на каких-то испытаниях, затем перешел в атомную энергетику. Был начальником реакторного цеха, зам. главного инженера на Курской АЭС. Потом Москва, начальник отдела, зам. главного инженера ВПО «САЭ»²³, главный инженер «Союзатомэнергоналадка». Чернобыль встретил в должности зам. руководителя Госатомэнергонадзора.

Виктор Петрович был совершенно бесконфликтный человек, не карьерист. Его мягкая ровная речь, почти без интонаций, была очень конкретной и информативной. Болтать попусту не любил, больше молчал. Когда говорил, что и как надо исполнить, делал это неназойливо, но убедительно. Если же с ним не соглашались, не спорил, не стремился взять горлом или приказать. Просто спрашивал: «Вы подпишетесь под только что произнесенным вашим заявлением?». Говорят никто ни разу такого не написал.

Последние годы перед чернобыльской аварией ни один пуск блока не обходился без его участия. Он, как никто, умел очень полезно подсказать то, что нужно делать в первую очередь,

²² Действительно, позднее об этом Петр Русенко написал в главе 19 «Страх» в конце подраздела «Просчеты в расчетах».

²³ Всесоюзное производственное объединение «Союзатомэнерго», правопреемник главного управления (главка) «Глава-томэнерго» Министерства энергетики и электрификации СССР.

в какой последовательности и, главное, как. Собственно, в этом я и сам убедился, когда он привлек меня к участию в пуске первого блока Смоленской АЭС с блоками такого же типа, как и на ЧАЭС.

При встрече в Припяти Виктор Петрович без всяких церемоний спросил, где я остановился. Узнав, что в самом Чернобыле, сразу же предложил мне поселиться у него. Он проживал там же, но в небольшом домике неподалеку от здания райисполкома, где происходило множество различных заседаний, в том числе и заседания правительственной комиссии. Там можно было встретиться с нужными руководителями и специалистами, что было весьма удобно, и я, разумеется, согласился.

Кстати, бывший директор этого, так называемого, «кыштымского совхоза» приезжал в Чернобыль. Неделью жил с нами в нашем домике. Много рассказывал о той злополучной аварии. Ему было уже за семьдесят, но выглядел он ещё крепким человеком и высказывал очень здравые мысли. Приехал по собственной инициативе, добиться, чтобы его заслушали на заседании правительственной комиссии. Опыт его был бесценным. Виктор Петрович говорил, что и предложения его были весьма полезны. Но прием ему оказали сухой, не прислушались к советам и срок пребывания не продлили.

Однако, это будет позже. А тогда, в первый мой день приезда в Чернобыль после аварии, мне больше всего хотелось побродить по Припяти. Времени было мало. За пять дней до заседания правительственной комиссии с моим вопросом надо было многое успеть. Сразу же отправился на станцию. Так и включился в чернобыльский водоворот, закрутивший меня по февраль 1987 года.

Мертвый город

На четвертый день мне опять предстояло допоздна проработать на АЭС. Несмотря на это, я постарался выехать из Чернобыля раньше обычного. Мои мысли в который раз крутились вокруг Припяти, по которой я так и не походил. Удастся ли когда ещё побывать здесь? Тогда я не знал, что задержусь в Чернобыле надолго, и думал, что через два дня мне придется покинуть зону. Перед поворотом на атомную станцию я не утерпел и скомандовал солдату-водителю ехать в Припять.

– Петр Валентинович, почему вы повернули на Припять? Правительственная комиссия позавчера выехала из Припяти. Теперь там делать нечего, – воскликнул Виталий Сергеевич Глухов, зам. начальника отдела капитального строительства одной из АЭС, вместе со мной вызванный правительственной комиссией для участия в рабочей группе по определению устойчивости разрушенного блока и организации строительства будущего объекта «Укрытие», которое журналисты назовут «Саркофагом».

– Вам да, нечего. А мне есть.

– Там никого нет, не с кем что-либо решать.

– Вы зачем за мной увязались? Сидели бы в Чернобыле, готовились к заседанию правительственной комиссии. Наш вопрос будет слушаться завтра в 14—00.

– Так меня в ваше подчинение назначили. Куда вы, туда и я. Думал, вы на блок едете, решил с вами пораньше, а вы зачем в Припять свернули?

– Чтобы не растерять прошлое.

– Как это?

– Сохранить город хотя бы в своей памяти.

– Почему?

– Потому что через некоторое время будет поздно.

– Вы что думаете, что город снесут?

– Не знаю. Но таким, каким он был, город уже никогда не будет. И никому здесь не жить.

– Что-то вы очень пессимистичны, Петр Валентинович. Закончим с аварией, вернутся люди. Ещё пятый и шестой блоки закончим строить. Всё будет замечательно! Как всегда.

– В этот раз не получится.

– Почему?

– Потому что период полураспада некоторых радионуклидов длится более сотен лет. И ещё потому, что надо верить не газетам, а знать, что произошло.

– Авария произошла.

– Может я и ошибаюсь, но я верю Легасову, а не газетной болтовне. Произошла ядерная катастрофа, Виталий Сергеевич, и пострашнее Хиросимы. Давайте помолчим. Сейчас будет Припятть.

Предъявив пропуски, мы въехали в город. Я попросил водителя не спеша проехать по пустым улицам. Остановились в центре. Теперь здесь тоже стало безлюдно и тихо. Я вышел из бронетранспортера. Подошел к клумбе с розами.

Мне приходилось бывать в Припяти раньше. Пожалуй никогда я так не восхищался каким-либо населенным пунктом, как этим красивым, стройным, элегантным городом. Меня радовала его продуманная застройка с широкими тенистыми улицами, чудными розариями. Я любовался светлыми лицами жителей этого юного города, казавшегося из-за большого количества детей огромным детским садом.

Теперь город необитаем. Пустынен и безмолвен. Звенящая тишина, гнетущая и злоеющая, рвала душу и сердце.

Уже покинуто здание бывшего городского комитета единственной тогда в стране партии, где с 22 часов 26-го апреля непрерывно заседала правительственная комиссия, которая вчера передислоцировалась в Иванков, расположенный по дороге на Киев за пределами 30-ти км. зоны. Покинута гостиница.

Лишь недавно в этих двух последних в городе зданиях бурлила жизнь. Но говоря военным языком, основные оборонные редуты были созданы. Надо было переходить к наступлению. В этих условиях штаб – сердце спасательной операции, не мог больше работать на износ. Так можно потерять управление. Потому правительственную комиссию и передислоцировали.

Теперь и эта последняя жизнь ушла из цветущего города. Только на лестнице из валяющегося шланга вытекала вода и тихо скатывалась по ступенькам, напоминая о том, что ещё два дня тому назад люди, входящие в здание, обмывали обувь, чтобы не заносить радиационную грязь внутрь здания.

А раньше город действительно был, как цветник. На центральной площади огромные клумбы радовали глаза прохожих множеством цветов и особенно роз. Вдоль всех тротуаров длинными рядами, как в строю, стояли деревья в окружении подрезанных кустарников и клумб. Во дворах бегали дети всех возрастов, звон ребячьих голосов слышен был далеко. Всюду на велосипедах сновали взрослые и дети. По проезжей части улиц взад и вперед сновали чистенькие, опрятные легковые машины последних моделей. По тротуарам шли припятчане, молодые, бойкие, светлые, гордые за своё дело, довольные жизнью и работой. Город цвел, источал аромат счастья и довольствия. Теперь всё в прошлом.

Последний сторож

Над крышами домов уже поднялось свежее солнце и его лучи прикоснулись к нежным лепесткам роз. Я смотрел на них:

*И день сиял, и млели розы,
Головки томные клоня...²⁴*

²⁴ Из стихотворения «Розы» И. А. Бунина

Их еще окружало тонкое восхитительное дыхание, и они пленяли своей нежностью. Мне захотелось сорвать одну розочку на память. Я было уже дотронулся к стеблю, но меня остановил грубый окрик:

– Ты ще робышь, паскуда? Рваты розы нэ можна! – это орал выбежавший из здания горкома коренастый мужик пожилого возраста в темно-синей хлопчатобумажной робе.

– Почему это нельзя? Кому они теперь нужны? – возмутился я. – И что вы тут командуете? Кто вы такой?

– Ты нэ выкай на мэнэ? Выкай у своему институте. Понаихалы! Чого прыпэрлысь?

– Не хамите! Я член правительственной комиссии, – соврал я, не объясняя же ему, что я всего лишь руковожу рабочей группой при правительственной комиссии. – Вы кто? – повысив голос, требовательно спросил я мужика.

– Я сторож.

– Какой ещё может быть здесь сторож? – спросил подошедший Виталий Сергеевич.

– Як, якый! Завхоз горкома партии, колы позавчэра уезжав, наказав мэни слэдиты, щоб вокруг був порядок.

– А сколько вас сторожей? – уточнил я.

– Я одын.

– Как так?

– А ось так. Колы людэй из Прыпьяти увозылы, я сторожив, а тых сторожив, кого не було на дежурстви, тэж увэзлы. Бильше нэма, кому сторожуваты.

– Как вас звать?

– А тэбэ? Хто ты такый? Дэ твои докумэнты, щобы мэнэ спрашюваты?

– Меня зовут Петр Валентинович Русенко, – я показал ему свой пропуск.

– Добрый пропуск. Вэлыкый начальник, колы всюду маешь проходыты. Добрэ. Мэнэ зовуть Михайло Ондрийович.

– А где вы ночуете, если вы один сторож? – поинтересовался Глухов.

– У горкоми. Як авария случилась, я вси ночи сторожував, а днэм дома отдыхав. Тэпэр у горкоми живу, смэнщикив нэма.

– Но в городе жить нельзя! Это опасно! Вас всё равно должны менять, – сказал я.

– Завхоз казав, що колы вси повернуться, даст мэни отгулы. Тоди поиду до сына на Курську АЭС.

– Завтра я в правительственной комиссии подниму этот вопрос. Что за головотяпство оставить на бессменное дежурство человека, да еще в опасной зоне! – не на шутку возмутился я. – Этот ваш завхоз вообще нормальный человек? – спросил я.

– О, цэ вэлыкый чоловик! Бэз нього першый сэкрэтар ничёго не ришае. Як завхоз скажэ, так ото и будэ.

– Ладно. Оставим это, – я попробовал перевести тему на другое и, как бы шутя, спросил, будучи уверенный, что моя просьба теперь уже не получит отказа. – Ну теперь-то можно сорвать хотя бы одну розочку? – но замысел мой не оправдался, потому что Михаил Андреевич был начеку:

– Ни-ни. Колы вси будут срываты, ни одниеи розы не будэ. Завхоз менэ зысть, з роботы выжэнэ. А потим люды прыидуть, а розив нэма. Як у ных на души будэ? Дужэ погано.

– Михаил Андреевич, никто уже сюда не вернется, – с грустью сказал я сторожу. – И никто не будет здесь жить.

– Нэ можэ такого буты! Нэ можэ! Мэни завхоз обищав, що через недилю вси повэрнуться.

– А когда людей вывозили, им что говорили? На три дня? Прошло тринадцать дней. Да неделю дал ваш завхоз. Он что специалист? Он ядерщик? Энергетик? Молчите. То-то.

Город весь заражен радиоактивностью. Здесь всё радиоактивно – и дом, и дороги, деревья, и цветы... – и тут я осёкся, потому что вдруг осознал – розы-то ведь тоже радиоактивные!

Я посмотрел на Глухова. Он словно прочел мои мысли:

– Петр Валентинович, что, и розы тоже радиоактивные?

– Да. Всё-всё. Всё, и даже розы. Вот так-то. А я хотел взять розочку себе на память. Как трудно привыкнуть к тому, что всё здесь отравлено. – Я вздохнул и перевел взгляд на сторожа, спросил его. – А где ваша семья, Михаил Андреевич?

– Нэма. Баба тры годы тому назад помэрла. А сын робыв тут на станции, та год уже начальныком якогось цеху на Курьский станции робыть.

– Ну вот что, Михаил Андреевич. Данной мне властью я вас освобождаю от вашей работы, – опять я соврал, но надо же было как-то увести старика отсюда. – Как ваша фамилия?

– Зубэнко, – ответил ошеломленный сторож.

– Так вот, гражданин Зубенко, – построже сказал я, – сейчас мы вам выдадим на руки приказ о вашем освобождении от работы, вы закроете здание горкома, пойдете домой, заберете нужные вещи, документы, и на нашем бронетранспортере мы увезем вас в Иванков, поедете к сыну. Закрывайте горком.

– А прыказ?

– Пока будете закрывать, я напишу. Действуйте!

Сторож несколько неуверенно, но всё-таки подчинился и пошел в сторону горкома.

– Петр Валентинович, что вы делаете! – воскликнул Глухов, когда сторож отошел на некоторое расстояние. – Вы не имеете права решать такие вопросы!

– А имею ли я право оставлять здесь человека на верную смерть? Через неделю у него будет лучевая болезнь. Если её уже нет. Знаете, Виталий Сергеевич, меня на Байконуре так учили: если столкнулся с проблемой, бедой, не оставляй её другому, решай сам. Я мучиться буду до самой смерти, даже от того, что не буду знать, что случилось с этим человеком. Человеком! Вы лучше-ка идите помогите ему.

Опешивший от такого натиска, Виталий Сергеевич пошел следом за сторожем.

А я достал из папки чистый лист бумаги и написал на нем следующий текст:

ПРИКАЗ №17 от 11.05.1986 г.

В связи с радиационно опасной обстановкой в городе Припяти, взятием города под полную охрану милицией приказываю:

Сторожа Припятского городского комитета Компартии Украины гражданина Зубенко Михаила Андреевича освободить от исполнения обязанностей по охране здания горкома и направить его на постоянное место жительства к сыну в город Курчатов Курьской области.

Член Правительственной комиссии по городу Припяти п\п П. Русенко

Когда сторож и Глухов вернулись, я вручил Михаилу Андреевичу приказ.

– А где печать?

– Моей подписи достаточно. Завтра в Иванкове решим все ваши проблемы. А сейчас садитесь в бронетранспортер, езжайте за вещами, а я вас здесь подожду.

Гримасы судьбы

Конечно, я блефовал. Но почему-то был уверен, что действовал правильно. Машина отвезла нас с Глуховым на станцию, а потом я попросил водителя отвезти сторожа в Иванков с моей запиской, чтобы его отправили к сыну в Курчатов. Кстати, с Михаилом Андреевичем я передал привет своему двоюродному брату Семену, который работал на Курьской АЭС. Когда

через несколько дней я позвонил Семену, он сказал, что Михаил Андреевич заходил, передал от меня привет, но очень ругал меня из-за того, что я увез его из Припяти. И сокрушался, кто же будет ухаживать за розами.

Тогда на правительственной комиссии случай со сторожем обсуждали. Председатель комиссии Борис Евдокимович Щербина распорядился проверить Припять, не остался ли там ещё кто-нибудь по такой же дурости каких-нибудь «завхозов», а может, по собственной глупости или беспечности. Мои действия в отношении сторожа Щербина одобрил, хотя на комиссии все вдосталь посмеялись над моим приказом.

Когда успокоились, Борис Евдокимович предложил ввести в Припяти службу коменданта города. Тогда комиссия решения не приняла, но в последствии к этому вопросу вернулись, и решение последовало. И тут случилась такая штука – пришлось мне в течение двух месяцев побывать в шкуре коменданта этого мертвого города. До сих пор не знаю, почему выбор пал на меня. Может, случай со сторожем сыграл какую-то роль?..

Я стоял на галерее онкоцентра, всматриваясь в звездное небо, но память всё ещё держала меня в Припяти.

Помню, подумал тогда, что вот сейчас увезем Михаила Андреевича, и город станет совсем пустым. Исчезнут и розы. Кто будет следить за ними? Смотрел я на них теперь уже совсем по-другому, ибо внутренне никак не мог согласиться, что розы – радиоактивны. Они ещё не все завяли. И даже пахли. Но уже было понятно, что и эта последняя жизнь в прежде энергичном городе скоро угаснет насовсем.

Через три месяца после моего посещения Припяти будет принята программа снятия дерна полностью со всей территории города и вывозки этого грунта в могильники. Силами нескольких батальонов гражданской обороны грунт будет удалён на глубину до 15 сантиметров. Вместе с ним выкорчуют все цветники, в том числе и розарии. Руководить этой нерадостной работой выпало мне.

Тогда стояло жаркое безоблачное лето. К осени все розы и другие цветы засохли, полегли под ветрами, заросли сорняком. Пока были клумбы, ещё жила какая-то надежда, что на следующий год, может всё образуется, и город вновь зацветет. Но с началом снятия грунта эта надежда растаяла, как кусочек сахара в стакане чая, оставив о себе лишь след в виде сладкого послевкусия. Видеть это было тяжело, не хватало душевных сил. Пусть и необходимое дело, а ощущалось оно, как противоестественное, варварское. Правда, деревья оставили. Всё равно город стал безликим, лысым. Взгляду не за что зацепиться. Серость и тишина. Мертвый город.

В конце 86-го в Чернобыль приехал и мой двоюродный брат Семен, тоже на ликвидацию аварии. Поведал мне грустную историю. Михаил Андреевич разминулся со своим сыном Игорем. За два дня до его приезда Игорь самовольно выехал в Припять за отцом. Но узнав, что отец уже у него дома в Курчатове, в безопасности, добровольно решил остаться в зоне. Игорь считал, что сейчас нужнее на блоке, он ведь прежде работал на ЧАЭС и знал то, чего, естественно, не могли знать приезжие специалисты. Встретились отец и сын через несколько месяцев, но не в Курчатове, а в Москве, в Воробьевской клинике, где Игорь лечился после переоблучения, и куда через некоторое время привезли его отца. Зимой Михаил Андреевич умер на руках у сына.

Позднее я познакомился с Игорем. Правда при печальных обстоятельствах – на похоронах Семена. Брат, хоть и двоюродный, но был для меня дороже всех других родственников. Тогда-то Игорь и рассказал, как умирал его отец. Михаил Андреевич всё время просился в Припять, кричал, чтобы отпустили, чтобы он смог утеплить свои любимые розы к зиме, а зима-то уже была в разгаре. Он верил, что розы будут жить и будет жить его любимый город.

Но нет теперь в живых ни города, ни Михаила Андреевича, ни его мужественного сына, ни моего любимого брата. И никогда уже не будет тех роз...

Афиши и лозунги

Припятть окончательно стала жить совсем другой жизнью. Через некоторое время в городе расположилась немногочисленная комендатура, попозже разместился штаб «Припятть», а в конце 1986 года постепенно начали занимать подходящие здания, подвергая их специальной обработке и реконструкции, структуры нового Объединения «Комбинат», который с 1987 года взял в свои руки управление 30-ти километровой зоной.

Когда вывезли всех жителей, у города словно вырвали сердце. Нет людей. Нет машин. Закрыты магазины. Кафе и столовые тоже. Дом культуры, городок аттракционов, гостиница, административные здания – всё обезлюдило. Потускнели, запылились, оборвались плакаты, вывески, объявления – эти осколки прежней жизни. Кое-где ещё висели щиты с афишами.

Странные афиши. Вот уже небывалая беда поразила город. Полным ходом идут спасательные работы. Действует штаб. Война покатила. А ещё висели афиши о мероприятиях на 30-ое апреля и Первомайские праздники.

Вот на афише приглашение на дискотеку, которая должна была состояться 30 апреля: «Воскресенье. Дискотека „Эдисон“. Начало 20—00». Думал ли Эдисон, что таким образом напишется в историю? *Дискотек в этом городе уже никогда не будет.*

На другой афише объявление о гастролях местного ансамбля: «По средам 16, 23, 30.IV. играет рок-группа ПУЛЬСАР. Вечера танцевальных программ». Слова-то какие! – Эдисон, Пульсар, как насмешки.

Третья афиша: «Вечер отдыха „Хорошее настроение“. 3 мая. Ждем Вас в танцевальном зале ДК». Помню шутка гуляла с черным юмором, чернобыльская (!): «*Эдисон, Пульсар – плохие приметы, обещают хорошее настроение, а приносят беду.*»

У всех бывших жителей Припяти уже никогда не будет хорошего настроения.

Эти дни для припятчан, для жителей зараженных мест, для ликвидаторов, для всей страны навсегда стали *Днями скорби и памяти*. Правда один раз в год, один день. Память потихоньку растворяется в сегодняшней суете.

На крыше одного жилого здания стоял смонтированный из огромных букв лозунг на украинском языке: «Хай мирний атом буде робітником, а не солдатом!». В переводе на русском звучит почти так же, как и на украинском языке: «Пусть мирный атом будет тружеником, а не солдатом!».

Не стал мирный атом на Чернобыльской АЭС хорошим работником. Лозунг приобрел обратный смысл. Однажды, уже в октябре, кто-то заклеил в первом слове этого лозунга вторую букву листом бумаги и на ней написал букву «У». Получился совсем другой смысл. И эта другая буква как бы поставила большую жирную точку многому, что нас тогда окружало, с чем мы связывали свою жизнь. Стало горько, очень горько.

На одном девятиэтажном жилом доме тоже из огромных букв был лозунг: «СЛАВА ПАРТИИ!». Когда мыли дезактивирующими растворами кровлю этого здания, решили демонтировать конструкции, на которых были смонтированы эти буквы, потому что они мешали работать на крыше. Демонтировали первую букву. Ребята работают. Вдруг внизу какие-то крики. Хлопцы посмотрели вниз. Там шум, гам, но о чем, не слышно. Потом к ним на крышу влетел какой-то долговязый майор, показывает удостоверение оперативного работника особого отдела, то есть кэгэбэшник, и орет на них:

– Я вас посажу! У нас нормальная партия! Никакой лавы нет! Это антисоветчина!

Они ничего не понимают.

– Какая лава?

– Где антисоветчина?

– Черт возьми, в чем дело?

Наорались друг на друга, потом выяснилось, что лозунг без первой буквы снизу стал читаться, как «ЛАВА ПАРТИИ!». А майор оказывается курировал Припятть, чтобы не дай бог

чего-нибудь не натворили в покинутом городе. Перепугался майор, по-моему, не меньше их. Наверно, сам понимал, что лава партии давно уже накрыла всю страну, но открыто об этом оповещать было опасно. С трудом объяснили ему, что к чему. Спиртом закрепили свою невиновность. Но успокоился он, лишь когда вернули букву на место.

А вот у горкома партии висел стенд с портретами передовиков производства. Над стендом лозунг на русском языке: «Во имя коммунизма восславим родину свою». Здесь тоже однажды кто-то похулиганил, заклеил в четвёртом слове первую и третью буквы. Получилось «ВО ИМЯ КОММУНИЗМА ОСЛАВИМ РОДИНУ СВОЮ». Это уже не смешно. Потому что действительно *на алтарь построения коммунизма чернобыльская трагедия легла судьбой и честью нашей советской Родины*. Меня до сих пор не покидает ощущение, что развал Советского Союза начался с той чернобыльской аварии... А может и раньше.

Надо об тоже написать.²⁵

Розовые видения

Я всё ещё стою на галерее... Но на самом деле мысленно там, в Припяти, стою у клумбы с розами. Пытаюсь восстановить и сохранить в своей памяти их былое величие и удивительный запах. Затих и окаменел бывший город мирного атома. Не слышно ребячьих голосов. У подъездов валяются велосипеды всяких мастей, стоят пустые детские коляски. На веревках многих балконов и у домов висят уже пересохшие, запыленные, зараженные радиацией детские пеленки, распашонки, трусики, маечки, взрослое бельё. Ощущение, как будто всё просто на минуту замерло. Сейчас где-то прозвучит колокольчик или пробьют часы, и всё опять придет в своё привычное движение. И жизнь снова забьет фонтаном радости и любви. И зацветут клумбы. И всё вновь наполнится розовым запахом счастья.

Но нет. Теперь это уже не произойдет никогда. Мои глаза заморгали, к горлу подступил комок. Я представил себе растерянных припятчан, уезжавших в неизвестность, но еще не знавших об этом. Им говорили, что всего на три дня, но оказалось навсегда. Что они испытали через три дня?

Увиденная картина мертвого города и то, что мне ещё предстояло изведать и испытать на моей родине детства, после отъезда из Чернобыля будут долгое время мучить меня по ночам своими изнуряющими видениями. Каждый день я просыпался в поту и до утра не мог заснуть. Только и мечтал, чтобы кончился этот непрекращающийся кошмар, хотелось просто испариться.

*Дай мне исчезнуть в черной мгле —
В Раю мне будет очень скучно,
А ад я видел на земле.*²⁶

Только изредка, когда уже светало, в моей памяти проявлялись, как розовый след, картинки из прежней Припяти, наконец, засыпал на короткое время, и то, лишь потому, что мне казалось, чернобыльский кошмар – лишь сон, ничего не было, всё в порядке. Окончательно проснувшись, медленно приходя в себя, опять осознавал, что всё было и никогда ничего не вернется назад. И так изо дня в день, многие месяцы, годы. Как я не сошел с ума?

И вот сейчас Припятть меня не отпускает. Я всё ещё там. Но нет уже розариев. Город пуст. Навечно, как в «Сталкере». По периметру, как мумия бинтами, опутан колючей проволокой и рубезом сигнализации, чтобы в этот склеп под открытым небом не пробрались непрошенные гости, бомжи и мародеры.

²⁵ Петр Русенко, видимо, серьезно изучал этот вопрос и высказал свое мнение в Главе 22. «Отсчет».

²⁶ Строчки из стихотворения «Молитва» Саши Черного.

Проход в бывший город только по специальным пропускам, запаянным в пластик, чтобы можно было смывать с них радиоактивную пыль. На каждом пропуске проставлен штамп, свидетельствующий об объекте, на который разрешен проход. На пропуске, висящем у меня на груди, стоит оттиск крупными буквами «ВЕЗДЕ». С этим штампом я могу быть в любой точке закрытой 30-ти километровой Чернобыльской зоны.

Но нет пропуска в прошлое. Никаким штампом нельзя разрешить возвратиться в доаварийную Припять.

Лишь затаился в памяти, как Млечный путь, состоящий из звездочек-осколков былого, розовый след посреди темного небосвода, будто черная дыра, безвозвратно втянувшая в себя былую жизнь и утраченную страну.

Глава 4. ЗОВ ПРОШЛОГО

30 августа 2005 г.

Сегодня на обед давали борщ. И как назло назвали его украинским. Не терплю, когда непонятно какое варево, даже отдаленно не похожее на борщ, называют украинским. Любое национальное блюдо надо делать серьезно, чтобы не обидеть человека, не только знающего, каким оно должно быть, но прежде всего человека этой национальности.

Нет. Ничего националистического в моем мозгу не возникло. Просто с украинским борщом у меня связано многое. И память о детстве, о маме,.. о Чернобыле и... о Маше... Ах, Маша, Маша!..

Это тяжело вспоминать... Захотелось побыть одному. Оделся и пошел погулять в парк у клиники.

Борщ

Вот и опять осень. Моё самое любимое время года. Сколько их ещё будет? Осенью хорошо дышится и думается. Тихо, свежо. Я брожу по аллеям, а под ногами шуршит осенняя листва. Желтые и красные листья напоминают разводы на поверхности ядерного борща. Желто-красные осенние листья в Машиных волосах... Нахлынувшие воспоминания снова берут меня в плен...

Многие варят и любят украинский борщ. Но какой он настоящий, знают далеко не все. Это божественное яство! Настоящий украинский борщ может быть только летом и только в украинской деревне. Это – замечательная гармония цвета, вкуса, запаха, души и застолья. Это – великая соразмерность, состоящая обязательно лишь из свежих овощей, кусочков слегка обжаренного после варки свиного мяса, луковой заправки со шкварками, крестьянской сметаны, в которой ложка стоит и не падает, красного душистого перца, поварского мастерства и колышущегося над тарелкой ароматного и призывного пара. Тот, кто знает и любит это, ни с чем не сравнимое блюдо, поймет. Ничто не сравнится с настоящим украинским борщом!

В детстве, живя в деревне Шепеличи, когда к ней ещё не приставили слово Старые, потому что недалеко начали строить Новые Шепеличи, я имел возможность есть это замечательное сельское блюдо очень часто. Мама любила готовить, как она говорила «хохлацкий борщ», любила доставлять наслаждение семье. Что может быть желанней для женщины, всецело посвятившей себя своим любимым мужу и детям, как угодить им? Мама делала это с великой любовью и душой.

Был целый ритуал приема этого превосходного блюда. Ели его с мелко-мелко нарезанным и растертым в ступке чесноком. В еще обжигающий бульон, с красно-желтыми разводами плавающих на поверхности томата и жира, опускали стручок красного перца, разминали ложкой и выдавливали из него жгучий огонь южного солнца. На краюху ржаного хлеба старательно укладывали тонко нарезанные ломтики сала. И наслаждались. Ну, а если к борщу еще была чарка горилки, то восторгу взрослых не было предела. Казалось, что все прелести мира здесь, в этом замечательном блюде...

Перед глазами предстали лица уже давно покойных мамы и папы. Вспомнились наша деревня и нечастые обеденные застолья, когда все собирались вместе...

Вспоминаю, как хотелось в Чернобыле попробовать настоящего борща. Ведь я был у себя дома. Родная природа, недалеко родная деревня. Всего восемь километров от Припяти. Восемь километров от моего детства. В общем есть всё. А борщ отведать нет возможности. В Шепеличах на тот момент уже никого не было. Куда всех увезли, никто не знал.

Тогда тоже стояла осень. Первая после аварии. Сентябрь позолотил деревья. Пожухлая трава скрывалась под пестрым ковром из желтых и красных листьев, вот как сейчас. Хотя стало прохладнее, дыхание лета еще было ощутимым. Особенно днем.

Накануне мне кто-то сказал, что в Караван-сарай, так мы тогда называли огромный склад, приспособленный в Чернобыле под столовую, самую большую столовую во всей зоне, и потому ставшую для всех, в некотором роде, достопримечательностью, приехала из днепропетровщины бригада поварих с раздатчицами, посудомойками, уборщицами и прочим обслуживающим персоналом. Каждые две недели во все столовые приезжали бригады из разных областей страны. Но в этот раз особый случай – приехали из города, где я когда-то учился в институте. В самом городе жил мой отец и в сорока минутах езды на электричке в соседнем районе – моя сестра со своим трудным семейством. Захотелось встретиться с земляками, поболтать, разузнать, как поживает город моей юности.

Землячка

В тот же день вечером, возвращаясь со станции, заехал в Караван-сарай. Зашел с рабочего входа и, попав в пустой, длинный, замызганный коридор, призывно протрубил:

– Эй! Кто здесь, земляки? Признавайтесь!

Открылась дверь, и в коридор вышла полная, в белом халате, хохлушка, лет сорока, и с мягко по-украински пропела:

– Ой, хлопэць! Да чога ж ты тут крычышь? Чы ты начальник вэлыкый? Так тут я начальник. А ты, хто такой?

– Я в Днепропетровске жил. Вот хочу с земляками пообщаться. А вы из самого Днепропетровска будете?

– Ой, гляды на нього! Да таких землякив тут, як мух у свынарныку – жужжать, аж в ушах гудэ.

– Тытяна Мыколавна, да будэ вам! Вжэ всех хлопцив повыгонялы. Ни соби, ни другим, – это сказала решительно вышедшая из другой двери невысокого роста, черноволосая, смуглая женщина и, обратившись ко мне по-русски, произнесла:

– Я в этой бригаде одна из Днепропетровска, остальные – из районов. Проходите, будь ласка.²⁷

В комнате не было никого. Мы познакомились. Её звали Елена Сергеевна. Она работала была заведующим столовой. Днепропетровская бригада приехала всего три дня тому назад. Но оказывается Елена Сергеевна уже отработала две недели. Её попросили поработать ещё две недели вместе с бригадой из Днепропетровска. Она согласилась с условием, что после отпустят домой.

Елена Сергеевна оказалась хорошей собеседницей. И вскоре, как два старых приятеля, мы вспоминали наш город, какие-то события, известных людей. Нашлись даже общие знакомые. Лена рассказала о своей жизни в Днепропетровске, где она родилась и провела всю свою жизнь. Была семья. Но... муж вместе с сыном погибли в ДТП, на гололеде столкнулись с трактором, за рулем которого был пьяный водитель. У Лены заблестели глаза. Я постарался успокоить её, перевел разговор на другую тему. Потом она расспрашивала меня. Я рассказал ей о рано ушедшей из жизни моей маме, о ещё здравствовавшем тогда отце, сестре, о своем деревенском детстве.

Вот тут-то как раз всё и началось...

Вспомнив, как сестра отменно готовит, особенно украинский борщ, и невольно размечтавшись, я сказал:

²⁷ Проходите, пожалуйста. (с укр. яз.).

– Да! Вот, что я хотел бы в этой чернобыльской кутерьме отведать, так это настоящий украинский борщ. Только это невозможно. В столовой ведь нельзя так приготовить – все из консервов, а надо свежие овощи, сметану. Да и получится ли на тысячу человек приготовить так вкусно, как это можно сделать только дома на семью в пять, ну десять человек?

– О, нет, Петр Валентинович! – несколько обиженно возразила Елена Сергеевна. – Вы ошибаетесь. Добрый борщ, можно и на тысячу порций приготовить. Нужно только душу в него вложить. А свежих овощей и мастерства у нас достаточно.

Она порылась в какой-то папке, вынула листок и что-то записала в нем. Потом сделала еще какие-то записи в ученической тетрадке и сказала:

– А вы приезжайте к нам в воскресенье на обед. Будет, как вы говорите, настоящий хохляцкий борщ. Зайдите ко мне, вместе и пообедаем.

Я не придал тогда значения этому слову «вместе». Но горячо ответил:

– Конечно же зайду. Такой подарок!

– Добрый борщ будет. Увидите, – и мило добавила по-украински. – Побачытэ.

Уже была полночь. Я проводил Елену Сергеевну по темному Чернобылю до общежития, где жила их бригада. Ещё два раза до воскресенья я заходил к Елене Сергеевне в «Караван-сарай». Эти встречи были пожалуй единственным светлым следом, который оставил в моей душе Чернобыль. Правда есть ещё один, но он слишком тесно связан и с ней, и... с этой страшной историей...

Прощаясь Елена Сергеевна опять напомнила:

– Не забудьте. Завтра. Вместе пообедаем.

– Обязательно буду. Спокойной вам ночи, потому что только в полночь совершаются чудеса и сбываются мечты...

Я продолжал прогуливаться по парку. Под ногами шуршала опавшая осень. В желто-красных листьях мерещились разводы свежего украинского борща, безумные глаза Маши и Володи, милое лицо Елены Сергеевны. Где вы сейчас Лена?..

Да пора идти домой. Ну вот, назвал больницу домом. Как быстро мы привыкаем к новым обстоятельствам. Да и к новым людям тоже. Как давно никто из женщин меня не целовал, не обнимал... Но у меня никогда уже не будет женщины. Потому и думать на эту тему не стоит.

Глава 5. СЕТИ НЕВЕДЕНИЯ

2 сентября 2005 г.

Вот так Каширка опять вернула меня в Чернобыль. Как однажды писала Анна Ахматова, *«рухнул в себя, как в пропасть»*.

А пропасть эта глубокая. И нет уже сил бежать от Чернобыля. И не хочется жить в северянском *«сне неразгаданном»*. Свой сон я знаю. Имя ему Чернобыльская зона. Поневоле начал опять туда возвращаться. Может быть, она меня зовет для чего-то? Для чего?..

Эти ночные кошмары, постоянный уход от чернобыльских тем... Бежать от Чернобыля нелегко. Или это бег по кругу?

Всё, стоп! Хватит! Если Чернобыль так настойчив, может быть он неспроста стучится ко мне? Жаждет что-то сказать? Может, я что-то забыл там, в зоне, и она хочет мне напомнить об этом? Если забыл, то что?.. Или кого?.. Ответов нет... Чернобыльский след в моей душе постепенно поглощает след розовый.

Может, и не надо сопротивляться, коль так судьба распорядилась? А что если эти воспоминания не случайны? Стоп-стоп! Это уже мистика. Тут же всплыли слова Николая: *«Всё может быть. Не такое ещё бывает!»*. Согласен, но только не мистика. А память, услужливая память, снова понесла меня в зону.

Магический чай

И вот сижу я на диване в нашем чернобыльском домике. Вечер. Одиннадцатый час. Я только что приехал с блока. Переоделся, умылся, присел на диван. Устал. Виктор Петрович колдует у плиты, заваривает чай. У нас договоренность, кто раньше приходит, тот и заваривает чай первым. Я это делаю по-обычному, а Виктор Петрович совсем по-особенному, говорит понеенки. У него этот чай – магический.

После Кыштымской ядерной аварии таким чаем его отпаивала одна старая nenka, на квартире которой он был постояльцем. Виктор Петрович совсем слег. Видимой болезни нет, а тело обмякло, не слушается и страшная апатия. Nенка спросила его, мол чего маешься, сынок. Он ей сказал про радиацию. Она не поняла, а он ей объяснить не смог. Назавтра она пришла и сказала, что была у их ненецкого предводителя, не помню, как он называется, может шаман. Он тоже не знал ничего про радиацию. Но сказал, коль это зло, то его надо выгонять, иначе душу отравит. Зло боится добра. А добрее молока, отданного оленихой человеку, ничего не может быть. Если нет оленя, и корова пойдет. И научил её делать магический чай. Nенка этим чаем и отпоила Виктора Петровича. Мистика? Может быть. Но Виктор Петрович очень верил в этот чай.

Вот и сейчас Виктор Петрович делает свой чай. Сначала он кипятит воду, потом кипятит молоко. Ошпаривает кипятком чайник, наполовину заливает кипяченое молоко и сыплет в чайник по две чайных ложки черного и зеленого чая и ещё щепотку красного перца. Потом закутывает чайник в полотенце, накрывает чем-нибудь потеплее и оставляет настаиваться чай минут на пятнадцать. Потом доливают кипятком и разливают чай по стаканам. Перед употреблением этого магического чая надо попросить у Бога здоровья, пить чай горячим без сахара и каких-либо прикусок. Сразу после приема чая надо выпить 20—30 грамм водки и лишь через полчаса можно начинать кушать. Такой чай пьётся натошак. Виктор Петрович говорил, что только благодаря этому чаю он ещё жив. Бывая на атомных станциях, он всегда пил чай понеенки. Отличался здоровьем, редко болел.

Выпили мы чай, водочку, ждем, когда можно начинать ужинать. Я спросил:

– Слышь, Виктор Петрович, а когда произошел Кыштым, у тебя уже была семья?

– Да. Дочери как раз год исполнился.

– Семья тоже попала под радиацию?

– Слава Богу нет. Они тогда на лето уехали в Адлер к моему отцу и ещё не вернулись.

Дал телеграмму, чтобы пока не возвращались. Потом позвонил. Кстати чуть не посадили за эту телеграмму, мол раскрыл государственную тайну.

– Ничего себе государственная тайна! Как же по-другому было сообщить, что нельзя ехать?

– Меня директор спас. Убеждал режимников, что я ведь не указал по какой причине. Они отвечают: «А если много людей дало бы такие телеграммы, то на Западе сразу бы поняли, что у нас что-то не так». А он им: «А сколько было таких телеграмм?» Они проверили все телеграфы, нашлась только одна моя. Просто к сентябрю уже все дети вернулись домой.

– Но ведь уже был 1957-й год. Во всю шла реабилитация репрессированных, начиналась хрущевская оттепель.

– Реабилитация реабилитацией, оттепель оттепелью. А разве кто-нибудь отменил тогда охоту на «врагов народа»? Нет. Шпиономания, по-моему, и сейчас многим застит глаза.

– Виктор Петрович, а увозили люди свои семьи, когда случился тот взрыв в Кыштыме?

– Никто не увозил. Никто и не знал, что произошло.

– Работники комбината ведь знали.

– Ну, некоторые, может быть, и увезли, но это было трудно сделать, жили-то за колючей проволокой, как в зоне. Собственно, это и была зона. Её ещё Берия организовал, когда ему поручили создать атомную промышленность. Он же один из создателей ГУЛАГА, вот и организовал такие места по типу лагерных зон. Их шарашками называли. А твой Байконур, что не зона? Тоже весь за колючей проволокой. Без специального разрешения не въедешь и не выедешь. И чтобы в анкете даже под микроскопом всё было чисто. А в Кыштыме жители окружающих населенных пунктов и знать ничего не могли, потому что работники комбината не имели права ничего говорить. Все ведь были засекречены, за разглашение – зона, но другая, эковская.

– Мне рассказывали, что здесь, после чернобыльской аварии ещё до поголовной эвакуации, работники АЭС срочно увозили свои семьи подальше от Припяти. Много таких было? Их сейчас дезертирами называют.

– Нет, единицы. Но сделали правильно. Ждать эвакуации нельзя было.

– Думаешь, убежав, они не пострадали?

– Вряд ли. А вот дети все будут болеть.

– А взрослые?

– Если на блоке не были, может и пронесет.

– А нас с тобой?..

– Не пронесет...

След горькой полыни

Повисла пауза. Я задумался, а потом вспомнив про ненецкий чай, спросил Виктора Петровича:

– А твой магический чай, что не поможет?

– Не поможет. Здесь не простой выброс. Ядерная авария с открытием активной зоны. Просто чуть дальше протянем, если этот чай пить регулярно. И на том спасибо nenke. От Кыштыма всё-таки след небольшой был. А здесь во много раз больше.

– Что ты имеешь в виду под следом?

– Так в атомной промышленности, в экологии и метеорологии называют радиационно зараженную территорию. После Кыштыма пораженную территорию называли Восточно-Ураль-

ским радиоактивным следом. За полсутки радиоактивное облако прошло в северо-восточном направлении над Челябинской, Свердловской, Тюменской областями, образовав радиоактивный след площадью более примерно 20 тысяч квадратных километров.

– А черновыльскый след сопоставим с Кыштымским?

– Нет, по площади, пожалуй, раз в десять меньше.

– А как здесь его назовут? Чернобыльским?

– Не знаю. Вряд ли. Скорее Восточно-Европейским, по источнику и основному очагу.

– А может всё-таки назовут Чернобыльским следом?

– Чернобыльщик – горькая полынь. Получается след горькой полыни.

– Горше некуда.

– Кстати, Петр Валентинович, знаешь, кто понял первым, что произошло на Чернобыльской АЭС?

– Как кто? Работники станции.

– Какой?

– Как, какой? Чернобыльской, конечно.

– Нет, это, к сожалению, не так. Первым догадался о раскрытии активной зоны Поздышев Эрик Николаевич.

– Так он в Десногорске, директором Смоленской АЭС тогда работал. Что, он в тот день здесь в командировке был?

– Нет, у себя.

– Не понимаю...

– А вот так, по радиационному следу первым догадался и первым сообщил на самый верх.

– Вот это да! Надо же, километров, наверно, за триста первым догадался! А на месте, что, не могли сообразить?

– Могли, да страх обуял. А может, и догадались, так опять же страх сковал мозги. Это я про руководство говорю. Дежурный персонал быстро всё понял. На своей шкуре. Н-да... Вот Валера Ходымчук там и остался. Реактор стал его могилой. А Шашенок тогда же погиб. Вчера после аварии первый человек умер, пожарный, и сегодня трое, один из них – Саша Акимов.

– Да ты что? Сашка Акимов? Ай-яй-яй!... Я знал его. Да и с Ходымчуком был знаком. Толковые мужики были.

– Не говори. Эх! Вот такая беда!. Давай выпьем.

– А ненецкий рецепт?

– Да пошел он к черту! Сколько ещё ребят уйдет? Сколько нас останется через год? Через пять?

Мы тогда ещё не знали, что ребят умрет много. Через два дня будет самый страшный день – в муках покинут этот мир сразу четыре наших товарищей.

Через два года после аварии уйдет из жизни и Виктор Петрович. На этот раз след всё-таки догнал и его в расцвете творческих сил. За два года он заболел только один раз. Поднялось давление. Положили в больницу. На выходные попросился домой. Встал на стул, чтобы взять с верхней полки книгу и упал. Просто остановилось измученное сердце.

След горькой полыни горек и черен, стоек, и неотвратим.

За ребят!

А сейчас, в моей памяти, Виктор Петрович ещё живой, сидит рядом со мной за столом. Сегодня воскресенье. Четвертое воскресенье после аварии. Объявили выходной день. Вернее полдня. Хоть чуть отдохнем. Всего две недели в Чернобыле, а замотался. Дает знать радиация. Виктор Петрович больше измотан.

Я приехал около 16—00, немного раньше его. Хотел заварить свой обычный чай, но потом передумал и попробовал сделать чай по-ненецки. Пусть Виктор Петрович подкре-

пится. А вместо водки достал коньяк. Выпьем чайку, коньячку, поужинаем и завалимся спать до утра. А там опять в бой.

Виктор Петрович смакует свой чай. Говорит, что немного не такой, как надо, но вкусно. Ещё бы не вкусно – я добавил меда, чтобы крепче спалось. Думаю, не повредит. От коньяка ради выходного Виктор Петрович не отказался. Решили даже повторить, так сказать предаться страстям:

*Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами.²⁸*

– За что выпьем, Виктор Петрович?

– За здоровье.

– За здоровье, так за здоровье. Как говорил у нас на Байконуре известный балагур, заводила и тамада майор Слава Мешков: «В доброй компании готов выпить за что угодно, за любой тост. В плохой – молчу, и водка в горло не течет – спазм настроения»

– А у нас-то с тобой нет «спазма настроения»?

– Нет. И компания добрая. Еще Славка говорил: «Выпивка и спешка несовместимы. Неторопливая выпивка – благо. Выпивка в спешке – вред себе и народному хозяйству, ибо это – пьянка».

– Ну ваш майор философ! Что он ещё вещал?

– Чаще всего повторял: «Выпить, но не поговорить, это всё равно, что не выпить».

– Это верно. Давай, за здоровье.

– И твоё.

– И тебе не чихать.

Выпили, крикнули, занюхали хлебом, закусили, расслабились. Сидим, то ли обедаем, то ли ужинаем, непонятно. Время перепуталось. Виктор Петрович, улыбаясь, говорит:

– Петр Валентинович, коль такая пьянка, давай ещё по одной. Только водки.

– За что выпьем?

– Слушай, может?..

Мы переглянулись. Я угадал мысль Виктора Петровича:

– За них, за ребят. Мы об одном и том же подумали.

– Неудивительно. Я бы за них каждый день по литру пил, лишь бы жили, – с горечью сказал Овчаров.

– Да уже 16 хлопцев ушли из жизни. А Валеру Ходымчука и похоронить невозможно, так навсегда и остался в реакторе. Сколько ещё потреяем?

– Много, очень много. И мы там будем.

– Не каркай.

– Да, давай за то, чтобы ребята остались живы. А кого нет, пусть земля будет им пухом.

– Пусть.

Встали, выпили, постояли, чуть закусили... и... протрезвели. Не пошел ни коньяк, ни водка. Потому что голова так и не выключилась. Легче всего, наверное, выключить электро-станцию, чем переполненную заботами голову.

Сорняки

Воспоминания о наших вечерах с Овчаровым согревают душу. Как его не хватает сейчас! Он рассказывал много интересного, неизвестного мне, говорил о будущем, иногда делал про-

²⁸ Строчки из стихотворения Александра Блока «Через 12 лет», стих №3.

гнозы. За два десятка лет, что мы были с ним знакомы, я не помню случая, что бы он ошибся в своих предсказаниях.

Но однажды ошибся.

Как-то мы сидели с Виктором Петровичем поздно вечером, рассказывали друг другу, что у кого за день произошло. Потом я задал вопрос, мучавший меня с первых дней приезда в Чернобыль:

– Виктор Петрович, вот всё хотел тебя спросить, а нужно ли было останавливать первый и второй блоки? Третий понятно, всё-таки с четвертым блоком одно здание. Но первый и второй? Они же могли работать. Здания герметичные. Внутри уровень радиации увеличился незначительно. Сразу из системы вывести четыре блока миллионника – это такой удар по энергосистеме. Как она выдержала, не развалилась, удивляюсь.

– Не знаю, почему блоки вырубил. Третий надо было заглушать. Это верно. А те два ни к чему. Со страху очевидно вырубил их. Уровень фона внутри, конечно, увеличился. Но это можно было быстро отмыть.

– Ну напугались, обделались, можно теперь трусы помыть, высушить, начать всё сначала и блоки включить.

– Можно-то, можно. Но кто же признается, что обделались. От них на километр вонять будет, не признаются. Бюрократ – это порода такая: быстро прививается, трудно выводится. Как сорняк огородный.

– Ну, объявили бы, что, дескать, в результате успешно проведенных мероприятий стало возможным введение в строй первого и второго блока. Трусы бы выбросили, парадную одежду надели, торжественные мероприятия провели, всякие реляции огласили бы. Газеты трубят. Глядишь, награды даже дали бы. А про вонь скажут, что и не было её вовсе. Это, мол, происки западных борзописцев.

– Эх, Петр Валентинович! Верно ты всё описал. Так оно и будет. Только позже. Может и не в 1986 году.

– А почему не сейчас?

– Потому что боялки ещё не отбоялись.

– Какие?

– Ну, например. Как объяснить, что во время самой крупной в мире ядерной аварии радиационная опасность была объявлена более, чем через неделю после аварии. По-моему, даже уже после твоего приезда в Чернобыль, – взволнованно ответил Овчаров. – Ты же знаешь, по действующему порядку директор любого предприятия является начальником гражданской обороны этого предприятия, руководитель района – начальник гражданской обороны района, соответственно, так и в области. Они и должны были объявить радиационную опасность. Но ни директор станции, ни руководители города, района, области этого не сделали. Не предупредили людей, что надо делать. Оставили в неведении.

– Может, не хотели первомайский праздник омрачить?

– Наверное. Только после майских праздников разрешили это сделать, когда об аварии на Чернобыльской АЭС уже знал весь мир, а сотни тысяч наших людей от этой опасности уже пострадали и даже выходили на первомайские демонстрации по всем городам страны. Кто-то же должен за это ответить? Вот какая боялка!

– Ну, это-то никому не сойдет.

– Сойдет. Директор – не ядерщик. Кто-то его продвигал, протезировал, назначал, контролировал работу станции. А ещё знаешь, что выявилось? Оказывается, на ЧАЭС несколько лет практически не проводились учебные и практические занятия по повышению квалификации персонала. Вместо учебы выдавали такой бегунок и соответствующий работник оббегал указанных в нем руководителей, а те ставили свои подписи, что якобы провели занятия, приняли зачеты или экзамены. Удобно. Всех устраивало и все молчали. Часть оперативного

персонала хоть изредка посылали на другие станции на стажировки. А остальные практически не повышали свою квалификацию. Но кто-то же проверял станцию, докладывал, что всё в порядке, награждали директора, заместителей, руководителей среднего звена, работников, саму станцию. Это же сколько людей в головопятистве, кумовстве и беззаконии завязано! А всем жить хочется. Потому, думаю, круговая порука и теперь всех спасет. Это же сорняки, они крепко держатся за завоеванную почву.

– Нет. Не может такого быть, чтобы это сошло! – воскликнул я. – Сам говорил, такого ещё не было и вряд ли будет.

– Всё равно сойдет, ещё как сойдет. Круговая порука – это не только, когда руки по кругу держат друг друга, это ещё, когда руки идут кругами и втягивают в свой круговорот тех зависимых, от которых может исходить угроза их кругу. Сам посуди, какая сейчас сдержанная информация в газетах, по телевидению. Стрелочников найдут, их и накажут. Может быть, накажут сурово, напоказ всей Европе. Отмываться-то надо.

Инфекция

Тот разговор о сорняках однажды у нас с Виктором Петровичем продолжился. Я спросил его:

– Виктор Петрович, послушай, но блоки-то всё равно надо пускать. Что может этому мешать?

– Здесь дело не в реакторах. Тут другая проблема. Скорее даже беда.

– Что ещё?

– Когда население Припяти эвакуировали, то большинство специалистов: дежурный и оперативный персонал, дозиметристов, работников цехов, ремонтников, ну и всех других – вывезли. Из домов поподъездно выгоняли всех подряд из своих квартир. Ни на кого не смотрели. Хотя предупреждали, кого надо было не трогать. Куда кого увезли, толком не известно. Смены оголились. А блоки без обслуживания оставлять нельзя. Нет. С ущербными больше чем наполовину сменами блоки не пустишь. Теперь, как всегда, будем преодолевать трудности, созданные нами же. Такая вот русская забава – создавать трудности, потом их мужественно преодолевать.

– А может, это борьба человека с самим собой?

– Это одно и то же. Вот смотри. Со всех атомных станций и многих тепловых вызывают сейчас специалистов. Прежде всего нужны ребята в дежурные смены на блочные щиты управления, в другие дежурные службы. Нужны различного профиля ремонтники, реакторщики, турбинисты, вентиляционщики, слесари, электрики, связисты, механики, дозиметристы, электронщики, монтажники, сантехники. Все эти люди до аварии жили в Припяти. Но их в один день вывезли и рассыпали по стране, как бусы. Многие уехали к родственникам, у кого на это были деньги. Много семей разъединилось. Теперь ищут друг друга.

– А как же было по другому, Виктор Петрович? Население ведь под сильнейшим облучением находилось 36 часов и более. Припять ближе всех к блоку. А из деревень только через две недели последних увезли.

– Думать надо было сразу! Ведь были же штабы гражданской обороны. Такая ситуация должна была прогнозироваться. И по специалистам можно было всё продумать. Ведь всех знали, кто где живет. За ночь можно было всех оповестить. Можно было предупредить милицию, военных, что при предъявлении пропуска для прохода на станцию, таких оставлять. Оставшихся вывезти в зоны отдыха, пионерлагеря, дома отдыха, профилактории. И возить их потом на работу. Что сегодня и делается. Только это теперь в основном командированные с разных станций. Вся страна здесь.

– Но всё равно пришлось бы менять людей, когда местные работники дозы набрали бы.

– Конечно. Но хочешь – не хочешь, даже если надо было бы сразу всю эксплуатацию менять, делать это необходимо только постепенно. А так приезжают новые люди, не всегда нужного профиля, специальности, уровня, опыта. Здесь они прежде не работали, специфику не знают, нужно время на вработывание. Кстати, многие отказываются возвращаться. Сейчас им становится всё понятнее, что произошло. И рисковать они уже не хотят.

– По-моему, даже начинается радиофобия.

– Радиофобия – это естественная реакция людей. Это нормально и понятно. Если бы говорили правду, ничего не скрывали, тогда люди меньше бы боялись. Но от того, боятся люди или не боятся, опасность-то всё равно никуда не делась. Поэтому нельзя людей обвинять в радиофобии.

– А если радиофобия это всего лишь ответная реакция на сокрытие правдивой информации? Некоторые уже на воду дуют. Страх людей одолевает там, где и страшится нечего.

– Во-во. Страх с сорняков опыляет простых людей.

– Тогда это не радиофобия, а инфекция.

– Сорняки всегда портят огород. Их выкорчевывать надо.

– Виктор Петрович, что-то ты сегодня суров, как никогда. Тебя послушать, так всё ужасно.

– Да, ужасно. Знаешь Петр Валентинович, Чернобыль нам ещё откроет такие вопиющие факты. Не так ахнем!

Пройдет время, и я много узнаю безрадостного об истории страны, нашей науки, атомной промышленности, энергетики. Беседы с Виктором Петровичем, встречи с Валерием Алексеевичем Легасовым, Евгением Ивановичем Игнатенко, с другими весьма осведомленными людьми, изучение ряда прежде засекреченных материалов открыли мне глаза. И я не ахнул. Нет. Я возопил! Боже! Если ты есть, зачем допустил всё это?

Теперь, когда я ухнул в пропасть воспоминаний, наберусь сил и об этом тоже напишу. Только бы хватило времени.²⁹

Спасибо Виктору Петровичу. Это он опускал меня с небес наивности на нашу грешную землю. Но тогда в Чернобыле я ещё многого не знал, не догадывался, да и не задумывался. Потому недоверчиво посмотрел на Виктора Петровича и продолжал его выпрашивать:

– Но блоки-то всё равно пустят?

– Конечно пустят. Но не скоро. Года через два-три. Не раньше. И только первый и второй. Думаю, третий не будут вообще пускать, законсервируют. Вот в этом Овчаров и ошибся.

Исчезнувшие сети

К своему пессимизму Виктор Петрович добавил ещё:

– Понимаешь, столько вновь и вновь вскрывается бед, что голова кругом идет. Вот, например, в дежурных и ремонтных мастерских не оказалось в полном объеме эксплуатационной документации, а исполнительных схем вообще почти нигде не обнаружили. На территории станции, в некоторых цехах, в Припяти, на водопроводных, тепловых и канализационных сооружениях шаром покати, как Мамай прошел. Спрашиваем у тех, кто остался: «Как же вы работали без точных схем?» Отвечают: «По памяти. Кто же знал, что такое случится».

Да-да. В этом я сам вскоре убедился, когда меня кинули на город Припять комендантом. Два месяца адской работы по восстановлению систем электроснабжения, водоснабжения, бытовой и ливневой канализации, очистных сооружений, строительству системы перехвата грунтовых вод. Всё могли сделать быстрее, если бы были в местах размещения дежурного персонала, в ремонтных мастерских исполнительные схемы.

²⁹ Об этом Петр Русенко напишет в Части III. «Causa causalis».

Пришлось лезть в архив филиала Ленинградского проектного института «Гидропроект», организации, проектировавшей ЧАЭС. Этот институт подчинялся знаменитому Минсредмашу – министерству среднего машиностроения, под названием которого скрывалось одно из самых секретных ведомств страны, занимавшихся всем, что было связано с использованием атома в военных и мирных целях. В это ведомство входил и Институт атомной энергии им. Курчатова и НИКИЭТ, которые и разрабатывались все ядерные реакторы для военных и мирных целей.

Филиал «Гидропроекта» находился в километре от четвертого блока. Фон больше десяти рентген. Света нет, в архиве пыль вековая. И вот мы с фонарями шарим по всем полкам, не зная классификации, нумерации проектов, что, где лежит, каталога нет. Шерстим архив наобум. А время идет, облучение увеличивается... Исполнительных схем не нашли.

Поехали в УКС³⁰. Там погром, вообще ничего найти нельзя, даже не нашли место геодезической службы, где должны храниться контрольные экземпляры исполнительных схем коммуникаций. Вернулись в филиал «Гидропроекта», снова стали рыться. Наконец наткнулись на нужные полки. Нашли. Вынесли. Поехали в Припятъ. Сравниваем с местностью, а половины коммуникаций не обнаруживаем.

Проект и его реализация – это две разные вещи. Даже несколько насосных станций и трансформаторных подстанций оказались смещенными против запроектированного.

Надо делать новые схемы сетей. Сначала было необходимо снять копии с чертежей, чтобы на них затем делать корректировку. По сути это означало заново делать исполнительные схемы, которые эксплуатация города должны были вести регулярно. Эта обязанность была установлена законодательством.

В зоне мы не нашли ни одного исправного копировального аппарата. Все почему-то были просто взломаны, что-то из них добывали. И это несмотря на то, что любые множительные аппараты в те времена находились под строгим учетом КГБ. Боялись, что на них будут размножать антисоветскую литературу. Правильно боялись. По всей стране ходили размноженные тексты запрещенной литературы и самиздата. Например, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицина я весь прочитал в переснятых копиях

Был ещё один способ размножения чертежей, варварский. Сначала копировали чертежи на прозрачную кальку через стекло, подсвечивающееся снизу лампами. Затем копировали с кальки контактным способом на специальную светочувствительную бумагу и проявляли эту бумагу в парах аммиака в широкий жестяных тубусах. Называлось это синькованием. Однако нужно было иметь много чертежников. На всё это ушло бы не меньше трех месяцев. А времени было всего две недели.

Конечно, мы не стояли на месте и методом так называемого «тыка», то есть постепенно, вслепую, восстанавливали одну нитку сетей за другой. Но дело продвигалось медленно. Оставалось слишком много белых пятен, совсем непонятных участков. Например, где проходит напорный канализационный коллектор? По рельефу, по расположению канализационных сооружений он где-то должен быть в одном месте, но мы его не находили нигде. Такого рода проблем было немало. Особенно в тех микрорайонах, где продолжалось строительство города. Железобетонные конструкции, металл, арматура, строительный мусор, песок, гравий, щебень, всё вперемежку. А под ними скрывались коммуникации.

Поэтому сразу же параллельно мы обратились в оперативный штаб министерства обороны и попросили сделать аэрофотосъемку АЭС, города и прилегающих к ним территорий в масштабе 1 к 500, то есть в одном сантиметре 5 метров. Это обычный масштаб для схем коммуникаций. Но для аэросъемки, чтобы такой масштаб сделать надо было слишком низко

³⁰ Управление капитального строительства Чернобыльской АЭС, осуществляло функции заказчика-застройщика.

и небыстро лететь, что было невозможно. Они сумели выполнить фотографирование в два раза большем масштабе. Это уже была победа. Как летчики выкрутились, не знаю?! Спасибо им.

Потом чертежи проектировщиков и аэрофотоснимки мы повезли в Киев. Из одного комплекта копий снимков собирались склеить общую схему коммуникаций, а из второго – раздавать бригадам части общей схемы для работ на местности.

Но в Киеве никто не брался копировать, объем огромный. Да и боялись. Мол разрешение надо. А времени нет бегать по различным ведомствам, в местное управление КГБ и объяснять очевидное. В Чернобыле всё решалось быстро – там война. В Киеве мирное небо, размеренная жизнь. Что им до каких-то неряшливых, чумных ликвидаторов, в одинаковой одежде, как из зоны. Плюс, нас боялись – мол, *«они радиоактивные»*.

И тут, слава Богу, я вспомнил об одном своем знакомом. Дело давнишнее.

Ещё лет восемь до Чернобыля, служил у нас в управлении на Байконуре солдатик Саша Шипко. Хороший паренек, незлобивый, безропотный. Был он оператором множительной техники. По службе я часто приносил ему материалы для размножения. Узнал, что он мой земляк. Так и познакомились. Именно он по частям тайно и размножил «Архипелаг ГУЛАГ», другие запрещенные книги, которые нам доставлялись самолетами из Москвы в коробках с чертежами из московского «Военпроекта». Этот багаж был военным и потому не досматривался. Перед окончанием Сашиной службы, взял у него киевский адресок.

Как вспомнил о Шипко, сразу побежал в Минэнерго Украины, звонить домой. Рассказал жене, где может быть записная книжка. Через полчаса перезвонил – адресок нашелся, Саша жил где-то на окраине Киева за Троещиной. Нашли. Он на работе, в типографии. Мы к нему. Встретились. Такой же худой, неряшливый, но стал деловым. Он был удивлен, что такой человек его нашел, очень обрадовался и никак не мог поверить. Всё тащил нас в ресторан, где работала его мама.

Объяснили ему ситуацию, ресторан потом, сейчас нужна помощь, где и как можно сделать эту работу. А он говорит, я сам сделаю. Только не выдавайте меня. Отправил к себе домой, а в пять утра появился с дружкой и пятью неподъемными коробками с копиями. Мы и сами не догадывались, какую огромную работу замыслили. Помогло то, что в его типографии стояла достаточно мощная по тем временам техника. Потом через правительственную комиссию я вызвал Сашу в командировку к нам в штаб «Припять», где с его помощью создали первое множительное бюро в зоне. Там в зоне он и остался работать до конца своих дней. Жаль, очень жаль. Как он нас тогда выручил!

В общем с копиями мы вернулись в Чернобыль. Склеили один комплект и разложили на полу в спортзале одной из школ. На снимках было главное, ради чего мы это делали – точки люков на тротуарах и мостовых были видны четко. То что мы уже выяснили, нанесли на эту схему, корректируя по люкам. А остальное восстанавливали по этой большой схеме, выходя на ранее неизвестные места. Нам пришлось вскрыть более тысячи люков.

И вот в результате мы создали реальную схему коммуникаций. Обнаружились также все пожарные гидранты, решетки и люки ливневой канализации. Это было особенно важно, чтобы эффективно и более мощно мыть город от радиации. Требовалось осуществить почти одно-временный забор воды 70 пожарными машинами и слить, по сути, залповый сброс этой воды, смешанной с дезактивирующими растворами в ливневую канализацию. Правда до этого надо было удалить воду из всех водопроводных, ливневых и канализационных насосных станций, да просушить все двигатели в них, сделать ревизию запорной арматуры. В общем, хватало делов.

Включение

Чтобы включить все насосы в работу надо было ещё подать электроэнергию. Тут ситуация оказалась труднее и опаснее.

Дело в том, что на большинстве трансформаторных подстанций, сокращенно ТП, тоже не оказалось схем. За время, пока город был обесточен, все ТП были раскрыты, многие приборы, выключатели, кнопки разбиты. В некоторых ТП были следы лежбищ бомжей.

Для сравнения: если прорыв на водопроводе, то через некоторое время это обнаружится, так как вода выйдет из-под земли на поверхность, и место аварии станет видно. А вот если на ТП включить рубильник, а на линии перерезан кабель или эта линия просто не была да конца смонтирована, то в ТП произойдет взрыв, оператор может лишиться рук, глаз и даже жизни.

Включить требовалось сорок ТП. Надо дезактивировать город, мыть дома, крыши, улицы. Времени не было. Поэтому мы пошли, как говорится другим путем, широко применявшемся в СССР, – путем проб и ошибок.

Нашли пустую металлическую бочку из под цемента, вымыли её, высушили, срезали верх и низ и разрезали пополам. Получился большой щит, как у крестоносцев. Посередине вырезали небольшое отверстие, потом брали багор, просовывали его в дырку, и прячась за этот щит, упирались багром в нужный рубильник. После этого что было сил с закрытыми глазами надавливали багром на рычаг и таким образом включали фидер. Только четыре раза мы ошиблись, в результате чего четыре раза испытали на себе силу и яркость взрывов от коротких замыканий. Но наша доморощенная защита спасала.

Вот так, на собственной шкуре я узнал, в каком состоянии находилась эксплуатация сетей в городе и на станции до аварии. Но это будет потом. А когда мы разговаривали с Виктором Петровичем, я не мог поверить, что на атомной станции, как говорили тогда локомотиве советской науки и техники, может быть такая бесхозяйственность и беспечность.

Вместе с тем. Несмотря на то, что я описал выше, блоки пустили значительно раньше, чем предполагал Овчаров. Первый блок ввели в эксплуатацию в октябре 1986 года, второй – 30 ноября 1986 года. Причем именно этот день почему-то стал негласным «Днем ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Особенно широко отмечают этот день чернобыльские общественные организации Москвы. Как-то приглашали. Через год и третий блок пошел в работу. Но это уже точно было ни к чему – там уровень радиации оставался ещё очень высоким, смены работали в ужасных условиях.

Чернобыльская АЭС опять стала действующей. Я до сих пор не знаю, победа это или беда. Первый блок проработал 10 лет, третий – 13 лет, второй блок заглушили через пять лет – из-за пожара в турбинном цехе. ЧАЭС после аварии выработала электроэнергии ровно столько, сколько и до аварии.

Почему же ошибся Овчаров?

Сейчас я знаю ответ на этот вопрос.

Виктор Петрович недооценил удивительную способность «сорняков» быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям, когда им угрожает возможное уничтожение. Они в таких случаях ни на чем не постоят, а вывернутся наизнанку, перелицуются, но покажут, какие они молодцы и если бы не они, то было бы ещё хуже. Апофеозом явилось их стремление создать нечто вроде праздника: «Мы победили!», а значит получить награды и премии, стать в ряд с истинными ликвидаторами. Но ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС ещё три года занимались сотни тысяч человек, в основном военные. Во многих местах Украины, Белоруссии и западных областях России до сих пор работы по дезактивации территорий не закончены.³¹

И главное, Виктор Петрович не придал значения стремлению советского руководства показать всему миру, что у нас всё нормально, мол, ничего не произошло, вот видите, станция опять работает. А то, что один блок не действует, так, у кого не бывает.

³¹ Эта запись Петра Русенко сделана по состоянию на 2005 год. В главе 20. «Дезинформация», в подразделе «Пленники» Русенко приводит таблицы, подтверждающие это высказывание.

Глава 6. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РОМАН

4.09.2005 г.

Последние дни я только и думал о предстоящем обеде. Каждый раз спешил, как на любовное свидание, на встречу с... Леной? Или с украинским борщом? Хотя, по правде говоря, и с Леной тоже. В общем, с обеими.

Царский подарок

В назначенный день я направился прямо в кабинет Елены Сергеевны. А её не было. Рабочий стол был выдвинут на середину, сервирован на две персоны. Я поторопился выйти, подумал, перепутал комнату. Стал в коридоре, пытаюсь сообразить, где находится та тесная комната, в которой обычно мы разговаривали.

– Пётро Вылэнтыновичу, вы вжэ приехали?

Я обернулся. Это была Елена Сергеевна.

– Я никак не найду ваш кабинет, – и запоздало поздоровался. – Здравствуйте, Елена Сергеевна.

– Так ось вин. Проходьтэ, будь ласка, – и она показала на комнату, из которой я только что вышел.

– Я уже заходил туда. Там для кого-то накрыто.

– Петр Валентинович... Ну... Вы не обидитесь, если мы с вами пообедаем вдвоем. Я ведь тоже часто не успеваю поесть. А тут такая удача с земляком посидеть, поболтать. Будет ли ещё время. Вы не возражаете?

– Как-то неудобно. Могут увидеть. Что подумают?

– Вы же сами согласились вместе со мной пообедать.

– Я думал, в зал вместе пойдем кушать.

– А я подумала, что вместе, значит вдвоем...

Елена Сергеевна покраснела и, глядя в сторону, сказала:

– Извините, меня дуру. Пойдемте, Петр Валентинович, я вас провожу в зал.

– Что вы, Елена Сергеевна! Это вы меня извините! Я просто не ожидал такого двойного подарка. Счастлив вместе с вами пообедать! Извините меня! Это я дурак. Надо было сразу догадаться. Здесь в Чернобыле совсем зачерствел.

– Ну, вот и добрэ, – обрадовалась хозяйка. – Проходите.

Обед удался на славу. Я съел три миски борща. Ещё бы! Надо же понимать! Где? В Чернобыле! Настоящий украинский борщ! Да ещё с такой прелестной дамой! Вдвоем! Прямо, как в ресторане, – столик на двоих в отдельной ложе. Правда, сервировка: общепитовские тарелки да граненые стаканы на сложенной пополам белой простыне, за однотумбовым письменным столом в обшарпанном кабинете. Зато какие ощущения! Я горячо благодарил Елену Сергеевну, восхищался борщом и всячески её хвалил.

– Дорогая Елена Сергеевна. Вы мне сегодня сделали царский подарок. Я здесь скоро уже полгода. Впервые почувствовал радость, даже какое-то давно не ощущаемое улучшение. Не мог представить, что в этой ненавистной зоне, погубившей край моего детства, могут быть такие счастливые моменты.

Вдвоём

– Всё пройдет, зарубцуется, Петр Валентинович. Будет ещё счастливое время. Помните, у Пушкина:

*В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.*

– Нет. Веселья у меня теперь никогда не будет. Коль вы заговорили стихами, я тоже процитирую, но шекспировское:

*В страданиях один исход —
По мере сил не замечать невзгод.*³²

Вот этим и живу.

– А помните, у Шота Руставели:

*Не оценишь сладость жизни,
Не вкушивши горечь бед.*³³

Это о нас с вами. наших товарищах. И о всех людях вообще.

– О чем вы говорите, Елена Сергеевна? Вот мы с вами здесь отдыхаем. И огромное спасибо вам за это. До гробовой доски буду помнить этот прекрасный день. А мои ребята сейчас вкальвают и не знают, как я в это время наслаждаюсь жизнью. Вы не обижайтесь, Елена Сергеевна, но борщ-то приготовлен только для нас двоих. Не так ли?

– Обижаюсь. Борщ мы с девчатами сварили для всего спецзала. Просто мне хотелось вдвоем... Вы так красиво рассказывали о борще, нашем национальном блюде, и с грустью о вашей родине, что мне захотелось хоть чуть отогреть вашу душу.

– Простите, ради Бога! Каким же я стал неуклюжим болваном! Извините меня, я не хотел вас обидеть... А скажите... можно как-то сделать так, чтобы накормить моих ребят этим замечательным борщом?

– А чего же нельзя. Сколько вас?

– Сорок человек.

– Так. Отдельного зала я не найду. Спецзал освобождается только в 15 часов.

– О, нет. Для нас это уже поздно.

– Тогда, ладно. Давайте мы праздник сделаем не только для ваших людей, но и для всех, кто питается в Караван-сараяе. Только это можно будет сделать лишь в следующее воскресенье.

– О, Елена Сергеевна! Вы – фея, богиня!

Расчувствовавшись, я вскочил и поцеловал её. Она зарделась, заулыбалась, и, стараясь сохранить строгость, тихо проговорила:

– Не надо, Петр Валентинович. Это наша работа – давать людям энергию жизни, приносить радость хотя бы от пищи.

– Спасибо дорогая Елена Сергеевна! Вы чуткий и добрейший человек.

– В общем привозите своих в воскресенье. Не забудьте. А сами и так заходите, когда время будет.

– Обязательно зайду.

³² Из трагедии Уильяма Шекспира «Отелло, венецианский мавр».

³³ Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре»?

Часть II. Отчаянные откровения

«Грехи и грешники».

Глава 7. ЛЮДИ И ЗВЕРИ

6.09.2005 г.

Обычно, после ужина, обитатели нашего этажа собирались в вестибюле пообщаться, посудачить, посмотреть телевизор. Если ничего интересного по телевизору не было, то беседовали, рассказывали друг другу о себе, о своих болячках, процедурах, родственниках, проблемах. С одной стороны, эти разговоры чересчур настраивали на больничный лад, а с другой, общение помогало.

Посиделки

В этот раз вместо новостей по всем каналам шли только передачи о каких-то выборах, кандидатах. Одни обещания. А что человек в жизни сделал, на что способен – об этом ни слова. Тошнота. Смотреть было нечего. Потому телевизор выключили, я собрался уходить, но подошла Татьяна.

– Добрый вечер! Что телевизор не смотрите?

– Только что выключили, – сказал я, – ничего интересного.

Напротив сидели двое и о чем-то тихо беседовали. Мужчина, Илья Кузьмич, среднего роста костлявый лет пятидесяти с легким пушком ещё не выпавших волос на голове, был весьма интересным собеседником, манерным и саркастичным. Сидевшая рядом с ним Екатерина Евдокимовна была старше его, далеко за шестьдесят. Как и у большинства женщин, которые проходят лечение на Каширке, голова у неё покрыта платком, скрывающим отсутствие волос.

В париках здесь ходить не разрешают. И правильно. Мне очень нравится смотреть на лица женщин, которые по этой причине ходят в платочках. Когда платок надевается на причёску, то это не всем идет, а порой, даже старит женщину. Платок на женской безволосой голове не обнажает недостатки лица, а наоборот, выделяет достоинства и делает черты лица нежными, милыми, приятными. На мой взгляд, может быть, непросвещенный и отсталый, женщина в платочке на голую голову выглядит женственнее, как Нефертити. Правда, мне не приходилось видеть лысую женщину без платка. Может быть, это бы мне и не понравилось.

Подъехал на инвалидной коляске Борис, высокий худой молодой человек с голым черепом. Его готовили к сложнейшей операции по пересадке костного мозга. Он уже прошел два цикла химиотерапии. Но не унывал, старался держаться беззаботно, весело, бодро. Я посмотрел на Бориса и подумал, а мужчин полная лысость делает мужественнее и интереснее. Не зря женщинам нравятся лысые мужчины.

– Господа, а почему ТиВи не смотрим? – спросил Борис.

– Ничего нет интересного, – сказала Татьяна. – Только что выключили. Одна политика.

– Не люблю политику. Все врут и красуются.

Подошла Ира, тоненькая, как тростиночка, девочка лет пятнадцати, бедное создание... Она редко улыбалась, лицо её всегда было строгим, сосредоточенным. Ира оглядела всех, посмотрела на телевизор и спросила:

– А почему телевизор не включаете?

– Ничего нет интересного, – сказала Татьяна.

– А почему бездельничаете? – спросила Ира.

Иногда казалось, что у неё совсем нет чувства юмора, не по годам серьезная девочка.

– Давайте поговорим о чем-нибудь, – предложила Ира.

– О чем, Ируха? – спросил Борис.

– Ну, не знаю. Пусть кто-нибудь что-то расскажет интересное. Только не книжное, а из жизни.

– Ну, это не по моей части, – сказал Борис. – Молод, зелен. Ничего со мной ещё не происходило.

– И мне тоже нечего рассказывать, – сказала в свою очередь Татьяна. – А что есть, то неинтересно – одни слезы.

– Пусть старики что-нибудь расскажут, – предложил Борис. – Наверно Ленина видели, с Буденным воевали или фашистского языка брали.

– Борис, какую ты чушь несешь, – возмутилась Татьяна. – Их тогда на свете не было или маленькие были..

Илья Кузьмич спросил:

– Борис, а когда ты сказал: «С Буденным воевали», кого имел ввиду, красных или белых?

– Ну конечно красных, кого же ещё?

– Понимаешь, Боря, с Буденным воевали белые против красных. Но с Буденным воевали и красные против белых. Все с Буденным воевали. Одни с ним вместе, другие с ним, но против него. Ньюансик, уважаемый, Борис, а разница огромная.

– Ну, вот вы и расскажите нам что-нибудь, о Буденном...

– Не могу, голубчик. Плохой я рассказчик. А потом, что мне рассказывать? Про дебет-кредит? Я же бухгалтер. Что у нас может быть интересного?

– А финансовые аферы, кражи, нападения? Потом менты, погоня, суд, тюрьма – продолжал подтрунивать Борис.

– Ты что? Акстись! Никогда, ничего такого. Боже упаси!

– А вы? – Борис обратился к Екатерине Евдокимовне. – Расскажите, как руководили цехом, выполняли планы.

– Ну, Боря, ты и шутник, – засмеялась Екатерина Евдокимовна. – Какой я начальник. В колхозе тридцать лет ишачила агрономом. Потом сын в город забрал помогать внуков воспитывать. Теперь могла бы правнучку нянчить, а приходится здесь лежать. Вот и весь сказ.

– Видишь, Ирка, какие у нас рассказчики. Давай станем на колени, будем Петра Валентиновича просить. Он у нас последний остался. Все уже всё рассказали. А Петр Валентинович всё время всегда молчит и молчит. Вот он нам поведает, как за станком стоял, деталь важную точил. Или как в Афгане с духами воевал, то есть с ними или против них. Может расскажет, как в космос летал... Вот так, Ируха-горюха, и наговорились.

– Борис, а ты зря так, – сказала Татьяна. – Петр Валентинович может многое рассказать, если захочет. Он начинал на заводе и действительно работал на космодроме. А ещё Петр Валентинович в Чернобыле спасателем был почти с самого начала. А это не менее страшно, чем в Афгане.

– Снимаю шляпу, Петр Валентинович, – галантно раскланялся Борис, как можно это сделать в инвалидной коляске. – С нетерпением слушаем-с.

– Ну, Татьяна, вы мне такую рекламу соорудили, выше Останкинской башни. Не знаю, право, о чем рассказывать, в космос не летал, да и рассказчик я тоже никудышный.

Таня тихо попросила:

– Петр Валентинович, расскажите, пожалуйста, о Припяти, о том, что было после аварии.

– Вы же говорили, что не хотите слышать о Чернобыле.

– Не хотела. Но вы мне рану растеребили. Теперь хочется всё-таки узнать, что было там после нашего отъезда.

– После какого вашего отъезда? – спросил Борис. – Вы что тоже были в Чернобыле?

– И родилась, и выросла, – ответила Татьяна. – И дожила там до чернобыльской трагедии. Мы всей семьёй в тот же день уехали, а по сути бежали. Теперь хочу знать, что было после.

Братья меньшие

Значит я Татьяне растеребил рану? А мне мою рану растеребил Николай. Сколько лет я убежал от этой темы, от разговоров о Чернобыле. А оказывается убежать не получается.

– Петр Валентинович, коль мы узнали, что вы были в Чернобыле, то давайте об этом поговорим, – сказал Кузьмич.

Все стали просить меня. Так не хотелось. Это же не о пирамидах Египта или афинском Акрополе рассказывать. Тяжелые воспоминания. Я ещё раз попробовал перевести беседу в другое русло, но все настаивали на Чернобыле.

Пока уговаривали, Ира вдруг задала простенький вопрос, и я невольно начал отвечать на него, постепенно втянувшись, в первый за многие годы разговор о Чернобыле.

– Петр Валентинович, а скажите, когда люди уезжали из Припяти, они забрали с собой всех кошек и собак? Никого не оставили? Наверно, во многих домах были аквариумные рыбки, птички, хомячки, черепашки. Всех с собой увезли?

– Нет, Ирочка, никого брать с собой было нельзя. Не разрешали. Конечно, люди кого смогли, увезли с собой. Но как взять крупную собаку. В автобусах и так места не хватало. Как взять с собой аквариум или большую клетку с птичкой?...

– Но рыбок можно было в банку с водой поместить, птичек в маленькие клетки, хомячков в коробочки, они же все манипусенькие, – растерянно промолвила Ира.

– Наверно, можно было, если бы не спешка. Автобусов не хватало. На сборы времени почти не выделили. Говорили, что вывозят только на три дня. С верхних этажей шли милиционеры, солдаты, торопили людей выходить. Некогда было. Хотели за один день вывезти всех жителей из города. Это правильно. Более того, это надо было сделать сразу, в ночь аварии, а не через 36 часов. Все же думали, что скоро вернуться.

– Получается, много животных осталось в квартирах...

– Да, много. Лучше всех выживали кошки, особенно если им удавалось выбраться из квартиры. Рыбкам, птичкам, черепашкам не повезло. Мы это видели во многих домах. А вот хомячки выжили, размножились необыкновенно. Были здания, которые прямо кишели хомячками, они же быстро плодятся. Правда, к осени их всех поели крысы, которых развелось не меньше.

– А собаки, которые остались? – спросила Ира.

– Лично видел только один случай, когда оставили собаку в одной квартире.

– Она умерла?

– Нет. Прожила в квартире около двух месяцев.

– Ее спасли?

– Пожалуй, да. По городу собак уже тогда бегало много, стаями. Дичать начали. Прислали специальных охотников для истребления собак. Интересно, охотников собаки издалека угадывали и убегали, а к другим людям подходили близко. Приставали, выли, просили еды. Если их отгоняли, оскальвались, громко лаяли, рычали грозно, казалось, могут напасть. Когда сбивались в стаи, то и нападали.

– А та собака?

– Мы часто слышали один и тот же лай, такой хриплый, глухой, откуда-то сверху в районе двух домов. Непонятно было откуда. Один охотник говорит, где-то в квартире собака. Начали искать. Вычислили дом, подъезд, квартиру. Девятый этаж. Пошли мы с понятными и слесарем, который должен был вскрыть квартиру. Открыли дверь, а на нас как прыгнет какое-то чудо лохматое. С перепугу показалось огромное. Из квартиры зловоние. Это была собака непонятной породы, то ли исхудавшая московская сторожевая, то ли волкодав какой-то, непонятно. В общем, собака ринулась вниз, а на встречу поднимались охотник и наши ребята, любопытствовать, что тут у нас происходит. Ну, псина их испугалась и рванула вверх по лестнице, выбежала на крышу. Мы за ней. Она увидела нас, да как сиганет с крыши. Ну, думали конец

собаке. Подбежали к парапету, глянули, а собаки не видно. Сбежали вниз. Город тогда так зарос, что трава местами была выше человеческого роста. Очевидно, это смягчило её приземление и спасло ей жизнь. Примятая трава указывала, что собака куда-то убежала.

– Вот это да! – вскрикнул Борис. – Она же метров тридцать пролетела! И не разбилась.

– А вы ее потом видели? – уточнила Ира.

– Нет. Вернулись в квартиру. Вонюща. Вся мебель погрызена, ящики вывернуты, холодильник пустой, везде валяются клочья шерсти, обрывки ткани, опилки. Думаю, если собака такое выдержала, то и после прыжка выжила.

– А собак все-таки извели? – спросил Илья Кузьмич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.